

Глагольные корни и видовая оппозиция в даргинских языках¹

Для даргинского глагола характерна категория вида (совершенный vs. несовершенный), выражаемая противопоставлением двух вариантов глагольного корня. Варианты, образующие видовую пару, обладают фонологическим сходством, но соотносятся нерегулярным образом. При этом в даргинских языках действуют весьма жесткие ограничения на фонологическую структуру глагольного корня.

В данной работе делается попытка разобраться в формальных особенностях выражения глагольного вида в даргинских языках, построить классификацию глагольных корней с точки зрения выражения вида, исследовать связь структуры корня и словоизменительного класса глагола. В более отдаленной перспективе работа направлена на понимание того, как возникла и сформировалась современная система выражения вида в даргинских языках.

Ключевые слова: даргинские языки; глагольный корень; глагольный вид; развитие категории вида.

1. Предварительные замечания

Для даргинского глагола характерна категория вида, выражаемая противопоставлением двух вариантов глагольного корня. Большинство даргинских глагольных корней образуют видовые пары — корень совершенного вида и корень несовершенного вида. Например, у глагола *baq'ara/biq'ara*² 'услышать/слышать' (муиринский идиом) корень совершенного вида (далее СВ) *CL-aq'*, корень несовершенного вида (НСВ) *CL-iq'*:

(1) a. b-aq'-ib	b. b-iq'-u-li=sai
N-слышать.PFV-AOR	N-слышать.IPFV-PRS-CVB=COP<N>
'услышал'	'слышит'

Категория вида — в отличие от вида, например, в славянских языках — характеризует не лексемы, а отдельные словоформы и их корни, так как глагольные формы разных видов относятся к одной лексеме. Так, в приведенном примере форма аориста (1a) относится к совершенному виду, форма презенса (1b) — к несовершенному. Некоторые формы могут быть образованы от обоих видов; например, от того же глагола можно образовать две формы опатива (3 лица):

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 22–28–01648. Автор выражает искреннюю признательность коллегам, высказавшим ряд ценных замечаний и советов и указавшим на ряд ошибок и неточностей в нашей работе, — прежде всего анонимному рецензенту журнала «Вопросы языкового родства», а также В. Ф. Выдрину, Т. А. Майсаку и Г. С. Старостину. Отдельно хочется поблагодарить О. А. Мудрака, который поделился с нами языковыми данными, которые он собрал и обработал в ходе работы над книгой (Мудрак 2016). Хотя его данные непосредственно для данного исследования использованы не были, сам труд О. А. Мудрака оказал большое влияние на наши результаты.

² Здесь и далее формы инфинитива приводятся с показателем неличного класса единственного числа (префикс *b-*).

(2) с. b-aq'-ab	d. b-iq'-ab
N-слышать.PFV-OPT	N-слышать.IPFV-OPT
‘пусть услышит’	‘пусть слышит’

Корни, образующие видовую пару, обладают фонологическим сходством (подробнее см. ниже), но соотносятся нерегулярным образом. Посмотрим, например, на примеры видовых вариантов корней в муиринском идиоме (3).

(3) Муиринский

Значение	Корень СВ	Корень НСВ	Инфинитив СВ/НСВ
‘находить’	CL-ark:	CL-urk:	b-ark:-ara / b-urk:-ara
‘писать’	CL-elk'	luk'	b-elk'-ana / luk'-ana
‘бросать’	ih ^w	irh ^w	ih ^w -ara / irh ^w -ara
‘ломать’	CL-urʔ	uʔ	CL-urʔ-ara / uʔ-aʔra
‘шить’	CL-ep:	ip:	b-ep:-ara / ip:-ara
‘сеять’	CL-aʔ	CL-alʔ	b-aʔ-ana / b-alʔ-ana
‘измерять’	umc	umc	umc-ara / umc-ara

Ни предсказать форму одного вида по форме другого вида, ни даже определить направление деривации (СВ > НСВ или НСВ > СВ) в общем случае невозможно. Тем более непонятно, как могла возникнуть такая категория.

Семантика категории вида в даргинских языках, насколько нам известно, не изучалась подробно. Ясно, что мы имеем дело с противопоставлением перфектива/имперфектива (Dahl, Viveka Velupillai 2013), которое носит обязательный характер: хотя в даргинских языках есть глаголы, имеющие только один видовой вариант корня (см. ниже), этот вариант всегда однозначно относится к тому или иному виду. Категория вида тесно связана с категорией времени; частично эти отношения носят характер импликаций. Так, формы будущего времени могут быть только несовершенного вида; то же верно для форм презенса. Однако многие другие формы, особенно модальные, легко образуются от корней обоих видов, как оптатив в примере (2).

В этой работе мы делаем попытку разобраться прежде всего в формальных особенностях выражения вида в даргинских языках. В частности, мы постараемся ответить на следующие вопросы:

- одинакова ли система видовых противопоставлений в разных языках даргинской группы?
- какие соотношения корней внутри видовых пар встречаются в даргинских языках и какие из них наиболее частотны?
- можно ли разбить глагольные корни на классы по способу выражения вида?
- есть ли связь между словоизменительным классом глагола и структурой его корня в СВ и НСВ?
- можно ли установить историческое направление деривации внутри видовой пары хотя бы в части случаев? Одинаково ли оно для всех глаголов?

В более отдаленной перспективе работа направлена на понимание того, как возникла и сформировалась современная система выражения вида в даргинских языках. На данном этапе эта цель кажется слишком амбициозной, однако мы все же попытаемся высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Работа устроена следующим образом: в разделе 2 дается необходимая информация о даргинских языках, включая базовые сведения по фонологии и глагольной морфологии. В разделе 3 подробно описываются использованные в исследовании данные, их ис-

точники, а также способы их отбора и представления. Раздел 4 посвящен так называемым «расширителям корня» — особым показателям, след которых сохраняется в корнях и в некоторых словоизменительных глагольных суффиксах современных даргинских языков. В разделе 5 приводится основной результат нашего исследования: информация о классах глагольных корней с точки зрения их формальной структуры. В следующем разделе мы обсуждаем вопрос о том, как исторически могла быть устроена деривация одного вида от другого в разных классах корней. Наконец, в разделе 7 мы предлагаем некоторую гипотезу относительно путей возникновения категории вида в даргинских языках.

2. Исходные сведения

2.1. Общие сведения о даргинских языках

Даргинские языки — это группа близкородственных языков в составе нахско-дагестанской языковой семьи (общее число говорящих превышает 500 тыс. человек). Традиционно на даргинских языках говорят жители селений в центральной части Республики Дагестан; в настоящее время заметная часть говорящих переместилась в города Дагестана и в другие регионы России.

Генетически даргинские языки образуют самостоятельную ветвь нахско-дагестанской семьи (Алексеев 1998; Friedman 2010); наиболее близким к даргинским считают лакский язык. В большинстве лингвистических и учебно-методических публикаций, а также в официальных источниках мы встречаем не даргинские языки, а единый *даргинский язык*, хотя, как правило, упоминается его чрезвычайно сильная диалектная раздробленность. Глубина родства даргинских идиомов (более 2000 лет; см. Коряков, Сумбатова 2007) и степень грамматических и лексических различий между ними дают серьезные основания для того, чтобы говорить о различных даргинских языках. Этот подход, который встречался в ряде работ и раньше (например, в классических грамматиках Услар 1892 и Магомедов 1963 речь идет о хюркилинском и кубачинском языках соответственно), в последнее время становится доминирующим (см., например, Daniel, Dobrushina & Ganenkov 2019). Мы также будем придерживаться этого подхода. При этом мы будем опираться на классификацию даргинских языков из работы Коряков 2021, основанную на данных лексикостатистики³:

(4) Северно-центрально-даргинская группа

Севернодаргинский язык (**акушинское наречие**⁴; урахинское наречие; верхнемудебклинское наречие; мюрего-губденское наречие; мугинское наречие; **кадарское наречие**)

Цудахарский язык

³ Ю. Б. Коряков предлагает считать отдельными языками любые идиомы, имеющие не более 90% совпадающих лексем в стословных списках Сводеша — Старостина (Старостин 2007: 784). Этот подход не всегда хорошо соотносится с социолингвистическими характеристиками даргинских идиомов. Анонимный рецензент привлек наше внимание к более поздней классификации даргинских языков, предложенной в работе Муталов 2021. Однако основания классификации Р. О. Муталова представляются нам в значительной степени произвольными и не вполне последовательными, вследствие чего мы предпочитаем пользоваться работой Ю. Б. Корякова.

⁴ Жирным шрифтом выделены названия идиомов, материал которых будет использован в нашем исследовании, подробнее см. раздел 3.

- Усиша-бутринский язык
- Гапшиминский язык
- Муиринский язык**
- Мегебский язык**
- Южнодаргинская группа
 - Юго-западно-даргинский язык (**тантынское наречие**; сирхинское наречие; верхневуркунское наречие)
 - Санжи-ицаринский язык
 - Санакари-чахрижский язык
 - Амузги-ширинский язык
 - Кубачинский язык**
 - Аштынский язык
- Чирагская группа
 - Чирагский язык**
- Кайтагская группа
 - Кайтагский (хайдакский) язык**
 - Шаринский язык

Свойства даргинских языков в целом типичны для нахско-дагестанской группы; это морфологически эргативные языки с богатой, в основном агглютинативной морфологией, левым ветвлением, свободным порядком слов. Как и большинство нахско-дагестанских языков, даргинские языки обладают системой именных классов и классным согласованием. Они имеют также развитое и своеобразное согласование по лицу/числу. Одна из морфологических особенностей даргинских языков — структура глагольного корня — является предметом данной работы.

Помимо информации о глагольной морфологии, нам понадобятся базовые сведения о фонологии даргинских языков. Система *гласных* в даргинских языках включает четыре «простых» гласных — /i/, /e/, /a/, /u/ — и одну или несколько фарингализованных фонем (в литературном языке, например, есть только фарингализованная /a^h/, в других идиомах фарингализованных гласных может быть от одной до четырех). Признак фарингализации, как кажется, не имеет отношения к проблемам, рассматриваемым в данной работе, поэтому в дальнейшем мы не будем учитывать его в наших рассуждениях. Иначе говоря, в тех случаях, когда мы будем говорить, допустим, о гласных *a* или *u*, мы будем иметь в виду как простые, так и фарингализованные гласные — /a/, /a^h/, /u/, /u^h/.⁵

Типичная даргинская система согласных приведена в Таблице 1 (муиринский идиом). Смычные шумные согласные образуют четверки, противопоставленные по способу образования: звонкий — глухой простой (аспирированный) — глухой геминированный (неаспирированный) — абруптивный, например *b p p: p'*. Группы аффрикат устроены аналогично, но не имеют звонкого элемента (например, *c s: c'*); фрикативные согласные образуют тройки из звонкого, глухого простого и глухого геминированного (*z s s:*). Помимо согласных, приведенных в таблице, в большинстве идиомов, включая муиринский, представлены лабиализованные шумные согласные. В части языков северно-центральной группы, включая даргинский литературный язык, геминированных и лабиализованных согласных нет.

⁵ В некоторых идиомах имеются также долгие гласные. В нашей работе представлено два таких идиома — ицаринский и кубачинский. Долгота ицаринских гласных не влияет на исследуемые в этой работе проблемы. Кубачинские долгие гласные возникают на месте выпавшего согласного *r*, об этом см. подробнее раздел 3.

b p p: p'			m, w
d t t: t'	c c: c'	z s s:	n, l, r
		ž š š:	j
g k k: k'	č č: č'	x x:	
q q: q'	ɣ ɣ: ɣ'		
ʔ	h		
ʔ	h		

Таблица 1. Согласные фонемы муиринского языка

2.2. Структура глагольного корня в даргинских языках

С точки зрения морфологической структуры даргинские глаголы можно разделить на простые и производные. Простые глаголы состоят из корня, который может присоединять классный показатель, и словоизменительных морфем (за исключением префикса отрицания, все словоизменительные морфемы — это суффиксы). Собственно глагольные корни (и, соответственно, простые глаголы) в современных даргинских языках представляют собой закрытый класс (200-250 корней).

Производные глаголы могут образовываться путем присоединения суффикса каузатива или глагольных префиксов (= превербов), которые в большинстве случаев имеют пространственное значение. Кроме того, к числу производных относятся сложные глаголы, которые образуются путем сложения основ и содержат, помимо собственно глагольного корня, еще один корень (точнее, основу), которая всегда располагается слева от глагольного корня.

(5) Тантынский⁶

- корень: *CL-irk* ‘падать’⁷
простой глагол: *CL-irč-iž*⁸ ‘падать’
превербный глагол: *gi-ti-CL-irč-iž* ‘проигрывать’ (превербы *gi-* ‘под’ и *ti-* ‘за’)
сложный глагол: *han-CL-irč-iž* ‘вспоминать’ (корень *han* расположен слева от глагольного корня)

Дополнительная основа в составе сложного глагола может представлять собой основу существительного, прилагательного, числительного, другого глагола, а также идеофон (6). Это также может быть некоторый корень, который не употребляется вне состава сложных глаголов, как корень *han* в примере (5).

(6) Тантынский (Сумбатова, Ландер 2014: 108)

- taman-CL-irq* ‘заканчивать’ < *taman* (существительное) ‘конец’ + *CL-irq* ‘делать’;
haʔdur-CL-irq ‘собирать, готовить’ < *haʔdur* (прилагательное) ‘готовый’ + *CL-irq* ‘делать’;
qeḥ-CL-ik ‘кашлять’ < *qeḥ* (идеофон) + *CL-ik* ‘говорить’

В даргинских языках действуют довольно жесткие ограничения на фонологическую структуру глагольного корня (о проблеме даргинского глагольного корня см. также Му-

⁶ В примерах (5) и (6) все формы относятся к несовершенному виду, о категории вида см. далее.

⁷ Символы ‘CL-’ здесь и ниже указывают на позицию показателя согласования по именному классу. Полный список сокращений см. в конце работы.

⁸ *CL-ič/CL-irč* получается из *CL-ik/CL-irk* в результате палатализации перед *i*, см. раздел 3.

талов 2002: 13–28; о структуре корня в чирагском языке даргинской группы — Кибрик, Кодзасов 1988; в мегебском языке — Daniel 2018; 2019). Абсолютное большинство корней принадлежат к одному из следующих пяти типов (примеры в (3)):

- (7) AC
CL-AC
ARC
CL-ARC
RUC,

где С — согласная (кроме сонорных), будем называть ее *опорной*; А — любая гласная; U — узкая гласная (*i* или *u*); R — согласная, принадлежащая к небольшому закрытому классу, чаще всего *r* или *l* (возможны также *w*, *š*, *ž*, *j*, *m*, *n*, *b*)⁹. В дальнейшем мы будем для удобства называть согласную R *сонантом* корня, хотя для части корней такое обозначение неверно (впрочем, корней с «сонантами» *b*, *ž* и *š* немного, см. Таблицу 7 ниже). Большинство корней требуют присутствия перед ними показателя согласования по именному классу, что обозначается у нас символами ‘CL-’.

Как было сказано в самом начале, глагольные корни образуют видовые пары, то есть существуют в двух вариантах, противопоставленных по виду (примеры см. в 1 и 3). Как видно из примеров в (3), корни разных видов в составе видовой пары могут отличаться (а) наличием/отсутствием согласной R, (б) местом ее расположения (в начале или в середине корня), (в) выбором гласной и/или (г) наличием классного показателя¹⁰. Опорный согласный С у двух членов видовой пары совпадает. Если у обоих членов видовой пары есть сонант R, то он тоже совпадает.

Некоторые корни не имеют видовой пары (чаще это корни HCB, редко CB); например, в тантынском идиоме не имеют видовой пары корни CB *ag* ‘уйти, случиться’ и ? ‘сказать’ (корень нестандартной структуры); корни HCB: *ic*: ‘болеть’, CL-*ic*: ‘работать’, CL-*is*: ‘плакать’, CL-*ax* ‘идти’, *imc* ‘искать’. Встречаются также корни, в которых CB и HCB совпадают, например *imc* ‘мерить, измерить’ (CB и HCB).

Ниже мы цитируем глагольные корни в двух вариантах через косую черту (CB/HCB); если цитируется только один элемент видовой пары (или если глагол имеет только один вариант корня), то рядом с ним в скобках указывается вид. Например (муиринский): CL-*ark*:/CL-*urk*: ‘находить’, CL-*ik*:/luk: ‘давать’, CL-*is*: (HCB) ‘плакать’. За исключением специально оговоренных случаев, указывается наличие у корня слота для классного показателя.

3. Материал исследования

В нашем исследовании представлено девять даргинских идиомов, а именно: литературный даргинский язык, созданный на базе акушинского диалекта и близкий к нему; кадарский; мегебский; муиринский; тантынский; ицаринский; чирагский; кайтагский. Наши девять идиомов, как показывает классификация Ю. Б. Корякова (4), представляют все ветви даргинской группы: литературный, кадарский, мегебский и муиринский пред-

⁹ Мы приняли эти обозначения вместо более стандартного V для гласных для удобства запоминания и произношения структур глагольных корней, так как в дальнейшем (начиная с раздела 3) эти структуры будут выступать как названия классов корней.

¹⁰ Описание средств выражения категории даргинского вида представлено в работах Мусаев 1980: 30–35 и Муталов 2002: 51–63.

ставляют северно-центральные даргинские языки; тантынский, ицаринский и кубачинский — южнодаргинские языки; чирагский и кайтагский образуют отдельные ветви даргинской группы. Акушинский и кадарский классифицируются как наречия севернодаргинского языка; кадарский идиом, однако, находится под сильным влиянием кумыкского языка и отличается очень своеобразной морфологией, поэтому вполне заслуживает отдельного рассмотрения. Ицаринский идиом является одним из вариантов санжи-ицаринского языка.

Хотя даргинский литературный язык представляет собой идиом, искусственно созданный в 20-е годы XX века, мы позволили себе использовать словарь литературного языка, посчитав, что он может представлять акушинский диалект или, шире, группу близкородственных диалектов севернодаргинского языка. Чтобы убедиться в этом, мы сопоставили словарь литературного языка (Юсупов 2017) с акушинским словником из работы van den Berg 2001: 263–322 и обнаружили практически полное совпадение тех глагольных лексем, которые были представлены в словнике.

Часть использованных нами данных получена в ходе полевых исследований, часть взята из ранее опубликованных работ¹¹. Все источники перечисляются ниже:

- даргинский литературный язык — словарь Юсупов 2017, содержащий около 40000 слов и выражений; для сверки использовался также словарь Абдуллаев 2017;
- кубачинский язык — словарь Магомедов, Саидов-Аккутта 2017, около 7000 слов;
- тантынский идиом — словник из работы Сумбатова, Ландер 2014 с некоторыми дополнениями, всего около 1400 лексем, в том числе около 450 глаголов;
- ицаринский идиом — словник из работы Sumbatova, Mutalov 2003 и словник, собранный Р. О. Муталовым (Mutalov 2020), всего около 1100 лексем, 320 глаголов;
- кадарский идиом — словарь, собранный Н. А. Вагизиевой (неопубликован), объемом около 1800 лексем, включая 666 глаголов; частично пересекается с данными в работе Вагизиева 2018;
- чирагский язык — использован список глагольных лексем из работы Кибрик, Кодзасов 1988, содержащий 220 лексических значений (число чирагских лексем больше из-за возможности нескольких способов передачи одного значения);
- мегебский язык — словарь, собранный экспедициями НИУ ВШЭ (Musaev, Morozova, Daniel 2020), около 1100 лексем, примерно 290 глаголов;
- муиринский язык — полевые данные, собранные в 2018–2021 году в экспедициях РГГУ¹²; всего около 1400 лексем, в том числе около 390 глаголов;
- кайтагский язык — словарь Гасанова 2011, около 4300 лексем¹³.

¹¹ Наш набор языков пересекается с материалом О. А. Мудрака (Мудрак 2016), где использованы данные семи даргинских идиомов: литературного, урахинского, мегебского, ицаринского, кайтагского, кубачинского, чирагского. Однако конкретные источники данных у О. А. Мудрака другие (см. Мудрак 2016: 6–7), за исключением чирагского и частично ицаринского. В частности, О. А. Мудрак не имел возможности пользоваться большими словарями литературного и кубачинского языка (Юсупов 2017; Абдуллаев 2017; Магомедов, Саидов-Аккутта 2017), которые ко времени создания его работы еще не вышли.

¹² Руководитель экспедиций — Н. Р. Сумбатова; в сборе данных участвовали (в алфавитном порядке): Олег Валиулин, Софья Гайдученко, Маргарита Иванова, Иван Калякин, Виктория Позднякова, Александр Ряпосов, Елена Сокур, Софья Ярошевич. Особенно большой вклад внесли Виктория Позднякова и Диана Пчелинцева.

¹³ В аннотации указано, что словарь содержит 7000 лексем, однако по нашим подсчетам их существенно меньше. Кроме того, в этом словаре глаголы даны только в одном виде. Для части из них в словаре можно найти пару, для других нет. Из-за этого многие кайтагские корни представлены у нас только в одном виде.

Для каждого идиома мы рассматривали все глагольные корни, которые встретились в указанных словарях и словниках. Большая часть корней обнаруживается в составе простых глаголов, однако есть и такие корни, которые встречаются исключительно в составе провербных и/или сложных глаголов. Например, корень *CL-uq/CL-ulq* зафиксирован во всех рассмотренных идиомах в составе разнообразных глаголов движения (8), однако в большинстве из них не используется как корень простого глагола.

- (8) Кадарский (глаголы цитируются в форме инфинитива СВ)
dura-CL-uq-as ‘выходить, выступать’
galhad-CL-uq-as ‘спускаться, идти вниз’
pars-CL-uq-as ‘прыгать’
xare-CL-uq-as ‘приземляться’
duc’-CL-uq-as ‘бежать’

В нашей базе учтены как корни простых глаголов, так и те собственно глагольные корни, которые в составе простых глаголов не зафиксированы.

Всего в девяти языках выборки обнаружено более 300 различных глагольных корней, среди которых мы выделили компаративные серии (см. ниже). Большинство корней обнаруживается в нескольких языках. В то же время довольно много корней не образуют компаративных серий, так как либо эти корни засвидетельствованы только в одном-двух языках выборки, либо отношения родства между ними не устанавливаются достаточно надежно. Поэтому в базу данных для предлагаемого исследования мы включили только 170 компаративных серий. Мы опирались на следующие критерии отбора: (1) корень должен быть засвидетельствован не менее чем в трех языках выборки и (2) родство корней в составе серии должно быть достаточно надежным. Наблюдения, обобщения и гипотезы, которые излагаются в разделах 4–7, сделаны на основании этих 170 серий. С полным вариантом базы можно ознакомиться в онлайн-приложении к статье по адресу: jolr.ru/jlr20/sumbatova.zip.

При установлении родства глагольных корней мы опирались на фонологический состав корней (в обоих видах) и на их значение. Эта процедура требует некоторых комментариев.

Во-первых, мы учитывали действие синхронных фонетических и морфонологических правил. Во многих языках выборки действует синхронное правило палатализации, в соответствии с которым веларные шумные фонемы /k/, /k:/, /k’/, /g/, /x/, /x:/ перед гласными переднего ряда заменяются на /č/, /č:/, /č’/, /ž/, /š/, /š:/ соответственно. В примерах (9) и (10) сопоставляются формы деепричастия настоящего времени и аориста в двух идиомах — тантынском (где происходит палатализация перед показателем аориста *-ib*) и кадарском, где палатализации в аналогичных формах нет:

- (9) Тантынский
a. ka-b-irk-u-le	ka-b-ič-ib
DOWN-N-падать.IPFV-PRS-CVB	DOWN-N-падать.PFV-AOR
‘падая’	‘упал’
b. ka-b-irx-u-le	ka-b-iš-ib
DOWN-N-класть.IPFV-PRS-CVB	DOWN-N-класть.PFV-AOR
‘кладя’	‘положил’
c. ka-b-irg-u-le	ka-b-iž-ib
DOWN-N-садиться.IPFV-PRS-CVB	DOWN-N- садиться.PFV-AOR
‘сядясь’	‘сел’

(10) Кадарский

a. kark-u-le	ka-jk-ib
DOWN+M+падать.IPFV-PFV-CVB	DOWN-(M)падать.PFV-AOR
‘падая’	‘упал’
b. b-irx-u-le	b-ix-ib
N-класть.IPFV-PRS-CVB	N-класть.PFV-AOR
‘кладя’	‘положил’
c. b-irg-u-le	b-arg-ib
N-находить.IPFV-PFV-CVB	N-находить.PFV-AOR
‘находя’	‘нашел’

Замена велярного согласного на переднеязычный не является признаком СВ, так как в других формах СВ от тех же корней палатализация не происходит, ср., например, оптатив СВ от того же глагола *CL-ik/CL-irk* ‘падать’ в тантынском идиоме: *b-ik-ab* ‘пусть упадет’. Корни, подверженные действию палатализации, представлены в базе в виде их основного, непалатализованного алломорфа.

Во-вторых, мы учитывали результат сравнительно недавних фонетических изменений, характерных для отдельных языков выборки. Фактически речь идет о двух процессах: выпадении *r* в кубачинском и выпадении некоторых опорных согласных в языках северно-центрально-даргинской группы.

В кубачинском языке согласный *r* регулярно выпадал в позиции после гласного перед согласным, оставляя после себя долготу гласного. В результате корням, которые в большинстве даргинских идиомов имеют сонант *r* и соответственно структуру (CL-)ArC, в кубачинском соответствуют корни без сонанта, но с долгим гласным, ср. тантынские и кубачинские глаголы в (11). Кубачинские корни с долгим гласным мы рассматриваем как аналоги корней с сонантом *r*.

(11) Тантынский

a. b-erc'-iž	/	b-uc'-iž	Кубачинский	b-erc'-i(j)	/	b-uc'-i(j)
N-жарить.PFV-INF		N-жарить.IPFV-INF		N-жарить.PFV-INF		N-жарить.IPFV-INF
‘печь, жарить’				‘печь, жарить’		
b. b-arq'-iž	/	b-irq'-iž		b-a:q'-i(j)	/	b-i:q'-i(j)
N-делать.PFV-INF		N-делать.IPFV-INF		N-делать.PFV-INF		N-делать.IPFV-INF
‘делать’				‘выполнять, делать’		
c. b-ac-iž	/	b-alc-iž		b-as-i(j)	/	b-als-i(j)
N-пахать.PFV-INF		N-пахать.IPFV-INF		N-пахать.PFV-INF		N-пахать.IPFV-INF
‘пахать’				‘пахать’		

Еще один, менее регулярный процесс — выпадение опорных согласных *g*, *ʔ* и *h* в некоторых языках северно-центрально-даргинской группы. В нашей выборке это литературный, кадарский и муиринский идиомы (подробно об этом явлении в муиринском см. Сумбатова 2021). В результате этого процесса некоторые корни вместо структуры (CL-)ARC или (CL-)AC имеют структуру (CL-)AR или даже (CL-)A (примеры в Таблице 2). Таким корням мы приписываем «исходную» структуру с опорным согласным.

В-третьих, из трех фонем, которые максимально может содержать корень, при установлении родства мы в первую очередь опирались на соответствия опорных согласных *C*, в меньшей степени на соответствия гласных. Мы исходили из предположения, что гласные и сонанты могут оказаться средством выражения аспектуального значения и представлять собой след исторически существовавших морфем, выбор которых мог не

	Литературный		Тантынский	
	Корень	Инфинитив	Корень	Инфинитив
‘знать’	CL-ah / CL-al	b-ah-es / b-al-es	CL-aχ / CL-alχ	CL-aχ-iž / CL-alχ-iž
	Муиринский		Тантынский	
	Корень	Инфинитив	Корень	Инфинитив
‘сидиться’	CL-i / CL-ir	ka-CL-era (< ka-CL-i-ara) / ka-CL-ir-ara	CL-ig / CL-irg	b-iž-iž / CL-irž-iž
‘видеть’	CL-a / CL-i	či-CL-ara (< či-CL-a-ara) / či-CL-era (< či-CL-i-ara)	CL-ag / CL-ig	CL-až-iž / CL-iž-iž
‘оставаться’	al / ul	kal-ana (< ka-al-ana) / ka-wl-ana (< ka-ul-ana)	elg / ulg	k-alž-iž / k-ulž-iž

Таблица 2. Примеры корней структуры (CL-)AR и (CL-)A (литературный и муиринский на фоне тантынского)

совпадать даже для близкородственных языков. Поэтому не исключено, что родственные корни имеют не соответствующие друг другу гласные и/или сонанты.

В действительности при составлении нашей базы выяснилось, что, как правило, и гласные, и сонанты так же регулярно соотносятся в языках выборки, как и опорные согласные. Однако все же встретились случаи, когда в корнях, которые мы сочли родственными, между гласными или сонантами нет регулярных соответствий:

(12) Расхождение сонантов

- ‘делить’: литературный, муиринский, тантынский, ицаринский CL-ut’/CL-urt’ (r), но кадарский CL-ut’/CL-ult’ (l)
- ‘улавливать’: кадарский, литературный, муиринский CL-ams/CL-ums, тантынский CL-ams:/CL-ums: (m), но ицаринский, чирагский CL-arc:/CL-urc: (r)

(13) Расхождение гласных

- ‘резать’: ицаринский CL-ič:/CL-irč:, кубачинский CL-ič:/CL-i:č: (i/i), но мегебский CL-erč/CL-urč (e/u)
- ‘драться, ссориться’: литературный, тантынский CL-a^h/CL-ir^h, ицаринский CL-a^h/CL-ih (a/i), но муиринский CL-ih/CL-ir^h (i/i)

Что касается значений, приписываемых тем или иным корням, то следует признать, что в большом числе случаев значения в базе представлены неточно. У этого обстоятельства несколько причин. Во-первых, в большей части наших данных значения описаны недостаточно подробно. Качественные описания семантики есть только в больших словарях литературного и кубачинского языка; для остальных идиомов мы располагаем, как правило, только одним или несколькими переводными эквивалентами некоторого даргинского глагола. Во-вторых, часть глагольных корней обычно или всегда употребляется только в составе превербных или сложных глаголов, так что значение корня как такового вычленяется с трудом.

Сознавая неточность описания значений в нашей базе, мы объединили в компаративные серии только те корни, значение которых совпадало или было очень близко (например, ‘резать’ — ‘стричь’, ‘стрелять’ — ‘попадать в цель’, ‘ругаться’ — ‘драться’ — ‘воевать’ и т. п.). Из этого, в частности, следует, что для некоторых корней мы, возможно, не нашли серию, к которой они относятся, из-за чего объем наших данных несколько меньше, чем мог бы быть.

4. «Расширители корня» и их корреляция с сонантом корня

В большинстве даргинских языков некоторые грамматические значения могут выражаться при помощи двух или трех разных показателей (суффиксов), распределенных лексически. В первую очередь это относится к категории аориста (прошедшего времени совершенного вида), который в большинстве языков маркируется одним из следующих четырех суффиксов: *-ib*, *-ub*, *-ur*, *-un*.

(14) Тантынский

b-arč:-ib	b-iχ-ub	b-at-ur	b-elč'-un
N-находить.PFV-AOR	N-становиться.PFV-AOR	N-оставлять.PFV-AOR	N-читать.PFV-AOR
‘нашел’	‘бросил’	‘оставил’	‘прочитал’

Суффикс *-ub* является фонетическим вариантом суффикса *-ib* в позиции после лабиализованного согласного, ср. формы аориста и инфинитива СВ в тантынском: *CL-iχ-ub* ‘стал’ — *CL-iχ^w-iž* ‘стать’, но *abχ-ib* ‘расчесал’ — *abχ-iž* ‘расчесать’. Даже если в каком-то языке это правило уже не действует синхронно, оно имело место исторически. Поэтому мы будем говорить о трех показателях аориста — *-Vb* (соответствует *-ib* и *-ub*), *-ur*, *-un*.

Наряду с показателями аориста, в даргинских языках есть и другие лексически распределенные показатели, маркирующие некоторое грамматическое значение, но все такие показатели, насколько это известно, коррелируют с показателями аориста (Таблица 3 ниже). Противопоставление лексически распределенных морфем позволяет говорить о существовании трех словоизменительных классов (спряжений) даргинского глагола. Глагольные формы, в которых выражено противопоставление глаголов по словоизменительным классам, будем называть *диагностическими*¹⁴ (примеры в 15abc).

Подчеркнем, что далеко не все грамматические формы глагола выражаются с помощью двух или трех разных показателей, многие формы (или даже большинство из них) имеют только один показатель, то есть диагностическими не являются. Например, показатель оптатива *-ab* сочетается со всеми глагольными корнями в обоих видах (15de).

(15) Тантынский: аорист, деепричастие презенса, 3 л. будущего времени (переходные глаголы), оптатив

a. b-arč:-ib	ha-b-iq'-ur	b-elč'-un
N-находить.PFV-AOR	UP-N-жечь.PFV-AOR	N-читать.PFV-AOR
‘нашел’	‘зажег’	‘прочитал’
b. b-urč:-u-le	ha-b-ilq'-u-le	b-uč'-un-ne
N-находить.IPFV-PRS-CVB	UP-N-жечь.IPFV-PRS-CVB	N-читать.IPFV-PRS-CVB
‘находит’	‘зажигает’	‘читает’
c. b-urč:-u	ha-b-ilq'-u	b-uč'-a
N-находить.IPFV-TH	UP-N-жечь.IPFV-TH	N-читать.IPFV-TH
‘найдет’	‘зажжет’	‘прочитает’
d. b-ark:-ab	ha-b-iq'-ab	b-elč'-ab
N-находить.PFV-OPT	UP-N-жечь.PFV-OPT	N-читать.PFV-OPT
‘пусть найдет’	‘пусть зажжет’	‘пусть прочитает’

¹⁴ Диагностическими принято называть формы некоторой лексики, по которым можно восстановить всю ее словоизменительную парадигму. Мы употребляем этот термин несколько шире, применяя его ко всем формам, имеющим лексически мотивированные показатели. Всю глагольную парадигму можно восстановить только по тем из них, где противопоставлено три показателя (аорист и любые формы, находящиеся с ним в одно-однозначном соответствии).

е. b-urk:-ab	ha-b-ilq'-ab	b-uč'-ab
N-находить.IPFV-OPT	UP-N-жечь.IPFV-OPT	N-читать.IPFV-OPT
‘пусть находит’	‘пусть жжет’	‘пусть читает’

Сам набор диагностических форм и маркирующие их показатели варьируют по даргинским языкам, однако наиболее частотными формами такого типа являются формы аориста, императива (СВ), а также формы будущего времени (в некоторых идиомах соответствующие им формы имеют значение настоящего общего времени или совмещают значения настоящего общего и будущего). Встречаются также случаи, когда лексически противопоставленные показатели представлены в основе презенса (производным от нее является деепричастие презенса, образующее в сочетании со связкой форму настоящего времени) и/или хабитуального прошедшего.

В некоторых случаях показатели диагностических форм различаются согласными в своем составе. Так, показатели аориста во многих даргинских языках — это *-un*, *-ur*, *-Vb*; в ряде языков есть частично сходные с ними показатели императива непереходных глаголов (например, в ицаринском: *-in*, *-ir*, *-i*). Те же согласные мы видим в суффиксах *-an* и *-ar*, представленных в форме 3 лица будущего времени, а в некоторых языках (в нашей выборке это муиринский и кайтагский) — в показателях инфинитива *-ana* и *-ara*, и т. д. Однако бывает, что в диагностических показателях представлен только согласный *n* (например, основа презенса в тантынском имеет показатели *-u* и *-un*) или же они вовсе не содержат согласных, как, например, тематические элементы¹⁵ 1 и 2 лица: либо *-a* (у глаголов с аористом на *-un*), либо *-u/-i*¹⁶ (у всех остальных глаголов).

Часть диагностических показателей представлена в Таблице 3. Пустым клеткам таблицы соответствуют формы, отсутствующие в некотором языке или не являющиеся диагностическими¹⁷.

	аорист			императив СВ			будущее время (непереходные глаголы, 3 л.)			будущее время (переходные глаголы, 3 л.)			инфинитив		основа презенса	
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1+2	3	1+2	3
литературный	-Vb	-ur	-un	-i/-a ¹⁸	-i	-en	-ur, -ar		-an	-u		-a				
мегебский	-Vb	-ur	-un													
муиринский	-Vb ¹⁹	-ur	-un	-i/a		-in							-ara	-ana		
тантынский	-Vb	-ur	-un	-e/a		-en	-ar		-an	-u		-a			-u	-un
ицаринский	-Vb	-ur	-un	-i/a	-ir	-in	-ar		-an							
кайтагский	-iw	-ur	-un				-u	-ar	-an				-ara	-ana	-u	-un
кубачинский	-e/-aj	-ij	-in	-e/a	-ij	-in	-u	-u	-an	-a	-a(j)	-an			-u	-un

Таблица 3. Показатели диагностических словоформ

¹⁵ Тематические элементы — это суффиксы, следующие непосредственно за основой в формах будущего времени, условного наклонения и некоторых других. Их особенность в том, что они выбираются в зависимости от соотношения лица и числа аргументов глагола, а также от его словоизменительного класса.

¹⁶ Распределены в зависимости от соотношения лиц субъекта и объекта.

¹⁷ В абсолютном большинстве случаев диагностические морфемы коррелируют между собой, как это проиллюстрировано в Таблице 3. Однако есть немногочисленные случаи, когда корреляция нарушена; см. раздел 6.4.

¹⁸ Здесь и далее в Таблице 3 показатели, данные через косую черту, выбираются в зависимости от переходности глагола (непереходный/переходный).

¹⁹ В муиринском идиоме, помимо суффиксов *-ib* и *-ub*, в эту клетку попадает суффикс *-aʔ*.

В (16)-(17) приводятся примеры диагностических форм из ицаринского и муиринского идиомов, см. также примеры в (15) выше.

(16) Ицаринский: аорист и императив СВ

a. kejž-ib	ag-ur	b-elk'-un
DOWN+M+садиться.PFV-AOR	уходить.PFV-AOR	N-писать.PFV-AOR
‘сел’	‘ушел’	‘написал’
b. kejž-i	až-ir	b-elk'^w-in
DOWN+M+садиться.PFV-IMP	уходить.PFV-IMP	N-писать.PFV-IMP
‘сядь’	‘уйди’	‘напиши’

(17) Муиринский: аорист и инфинитив СВ

a. b-arč:-ib	w-ams-ur	b-elč'-un
N-находить.PFV-AOR	M-уставать.PFV-AOR	N-читать.PFV-AOR
‘нашел’	‘устал’	‘прочитал’
b. b-ark:-ara	w-ams-ara	b-elč'-ana
N-находить.PFV-INF	M-уставать.PFV-INF	N-читать.PFV-INF
‘найти’	‘устать’	‘прочитать’

Диагностическими являются также все формы, производные от других диагностических форм. Например, во многих даргинских языках от основы аориста путем присоединения атрибутивного показателя образуются причастия, которые наследуют от аориста лексически распределенные показатели:

(18) Тантынский

b-arč:-ib-se	ha-b-iq'-ur-se	b-elč'-un-se
N-находить.PFV-AOR-ATR	UP-N-жечь.PFV-AOR-ATR	N-читать.PFV-AOR-ATR
‘найденный’	‘зажженный’	‘прочитанный’

Можно предположить, что противопоставление показателей в диагностических формах наследует какой-то сегментный признак глагольных корней, существовавший в период, когда эти показатели возникали. Это могла быть финальная часть корня или, возможно, какой-то показатель, непосредственно следовавший за корнем²⁰. О. А. Мудрак называет соответствующие формативы «расширителями основы» (Мудрак 2016: 74) и выдвигает предположение о том, что в протодаргинском существовало два расширителя, *-n* и *-r*. Мудрак не разбирает современные морфемы, возникшие под влиянием расширителей основы, и упоминает лишь показатели инфинитива *-ara* и *-ana*, а также «причастный аффикс *-n* в противопоставлении с *-b* и *-r* формами в северных языках» (Мудрак 2016: 74). По-видимому, имеются в виду показатели, которые мы разбираем здесь как показатели аориста, — во многих идиомах формы аориста могут выступать и в роли причастий. Поэтому можно заключить, что глаголы с *n*-расширителями, по Мудраку, — это наши глаголы с показателем аориста *-un* (в Таблице 3 колонки с номером 3), а глаголы с *r*-расширителями — это глаголы с аористами на *-ur* и *-Vb* (колонки с номерами 1 и 2).

Важное наблюдение, которое сделано в работе О. А. Мудрака (2016: 72–79), — связь расширителя корня с корневым сонантом: сонанту *l*, как правило, соответствует расширитель корня *-n*, а сонанту *r* — расширитель *-r*. Соответственно, в современных языках глаголы с корневым сонантом *l* имеют аорист на *-un* и другие диагностические морфемы,

²⁰ В предисловии к словарю Nikolaev, Starostin 1994: 86–89 предлагается следующая реконструкция структуры правосточнокавказского глагольного корня: *(H)V(R)CV(R). Если принять эту реконструкцию, то даргинские расширители корня восходят к двум финальным элементам корня V(R).

показанные в Таблице 3 в колонках с номером 3 (часть из них содержит согласный *n*). Глаголы с сонантом *r* имеют диагностические суффиксы с согласным *r*, например, инфинитив на *-ara* в муиринском и кайтагском.

Наши данные показывают, что корреляция корневых сонантов и диагностических морфем действительно существует, однако имеет несколько более сложный характер, чем показано в работе Мудрака, прежде всего потому, что глаголы образуют три словоизменительных класса, а не два (хотя в ряде форм различия между двумя из этих классов действительно нейтрализуются). При этом достаточно многочисленны только глаголы с сонантами *r* и *l*, прочие сонанты встречаются сравнительно редко, так что количественные данные по ним менее надежны. В нашей базе наблюдаются следующие корреляции:

- (19) сонанту *r* соответствует аорист на *-Vb*, реже на *-ur*,
 сонанту *m* соответствует аорист на *-ur*,
 сонанту *l* соответствует аорист на *-un*, редко на *-ur*,
 глаголы, не имеющие корневого сонанта ни в одном виде, имеют аорист на *-Vb*

Немногочисленные глаголы с сонантом *b* имеют аорист на *-Vb*, глаголов с *š* слишком мало для обнаружения корреляций. Исключения из правил (19) есть, однако их немного; полные количественные данные для нашей базы приводятся в Таблице 4²¹. Темным цветом заштрихованы клетки, соответствующие наиболее прототипическим случаям, светлым — клетки с наиболее заметными группами корней, отклоняющимися от прототипа. Знаком “*” обозначено отсутствие сонанта.

Мы примем подход и терминологию Мудрака, то есть будем говорить о *расширителях* *корня*, но будем исходить из того, что на протодаргинском уровне расширителей *корня* было три и что они соответствовали современным показателям аориста (а также императива и других диагностических форм). Обозначим три расширителя как Ø (нулевой расширитель), R и N (показаны в шапке Таблицы 4). Называя один из расширителей нулевым, мы не имеем в виду, что он в действительности не имел никакого сегментного выражения: пока мы не можем ничего об этом сказать. Этим названием мы хотим подчеркнуть следующие обстоятельства: во-первых, во многих грамматических формах происходит нейтрализация форм с расширителями Ø и R, причем в части этих форм выбираются показатели с согласной *r*. Во-вторых, нулевой расширитель является самым частотным. В-третьих, нулевой расширитель характерен для абсолютного большинства глаголов, не имеющих сонанта ни в одном из видовых вариантов, то есть комбинируется с «нулевым» сонантом.

Объясняя корреляцию сонантов и расширителей *корня*, О. А. Мудрак предположил, что «перед опорным согласным ранее присутствовал некий глайдовый элемент, который впоследствии ассимилировался по качеству сонанту «расширителя» основы» (Мудрак 2016: 75), то есть происходило преобразование *VHT-*r*²² > *VrT-*r*, *VHT-*n* > *VnTn). Затем в основах типа VnTn происходила диссимиляция, и структуры типа VnTn преобразовывались в VITn (“VnTn > *VITn”).

Объяснения О. А. Мудрака представляются нам убедительными, но не вполне достаточными. Во-первых, как уже отмечено, в ряде форм противопоставляются не два, а три лексически распределенных показателя, и распределение между ними подход О. А. Мудрака не объясняет. Расширителю *корня* R в его модели соответствуют два раз-

²¹ Таблица 4 показывает сонанты, характеризующие компаративные серии, то есть большинство глаголов в каждой серии. Распределение сонантов в отдельных идиомах в целом такое же. См. также раздел 5.1.

²² Символом H обозначен исходный сонант *корня* (обозначения О. А. Мудрака).

Сонант		Кол-во глаголов	Показатель аориста (расширитель корня)			
	СВ/НСВ		-Vb	-ur	-un	непослед. ²³
			Ø	R	N	
*	*/*	19	18	0	1	0
š	š/š	3	2	1	0	0
b	b/b	6	6	0	0	0
m	m/m	8	0	8	0	0
r	(все варианты)	70	55	10	1	4
	r/r	25	16	8	0	1
	*/r	19	17	1	0	1 (ur/Vb)
	r/*	26	22	1	1	2 (Vb/ur/un)
l	(все варианты)	38	2	2	34	0
	l/l	16	0	0	16	0
	*/l	21	2	2	17	0
	l/*	1	0	0	1	0
непослед.	*/l или */r (в разных языках)	5	0	4	0	1 (Vb/un)
Всего		149	83	25	36	5

Таблица 4. Сонанты и диагностические морфемы²⁴

личных показателя аориста (-ur и -Vb), а в ряде языков также два показателя императива и других глагольных категорий.

Во-вторых, сонанты *r*, *l* могут присутствовать как в обоих видах, так и в одном виде, причем для сонанта *l* допустим только один вариант: отсутствие сонанта в СВ при наличии его в НСВ (всего одно исключение в Таблице 4). Это не так для всех прочих сонантов: если они представлены в глаголе, то обязательно в обоих видах. Эти факты в работе О. А. Мудрака объясняются за счет постулирования разных исходных сонантов, как показано в Таблице 5: * \acute{H} в корнях, где сонант присутствует только в НСВ, * $\overset{o}{H}$ в корнях, где сонант присутствует только в СВ, * \bar{H} в корнях, где сонант присутствует в обоих видах.

инфикс	perf.	impf.	гласный в impf.
*-0-	-0-	-0-	-i-
*- \acute{H} -	-0-	-L-	-i-
*- $\overset{o}{H}$ -	-L-	-0-	-u-
*- \bar{H} -	-L-	-L-	-u-
*-b-	-b-	-b-	-u-
*-m-	-m-	-m-	-u-
*-T-	-T-	-T-	-u-

Таблица 5. Сонанты корня и гласные имперфектива в даргинских языках (Мудрак 2016: 74)²⁵

²³ В этой колонке показаны глаголы, у которых показатели аориста (расширители корня) существенно расходятся по языкам выборки.

²⁴ В таблице не показаны одновидовые глаголы, имеющие только формы НСВ, так как для них нехарактерны формы аориста. Поэтому общее число глаголов в таблице 149, а не 170.

²⁵ Символом L О. А. Мудрак обозначает сонанты {r, l}.

Независимо от фонологической природы сонантов, постулируемых в глагольных корнях (ее мы не обсуждаем), нам кажется, что объяснения различий между членами видовой пары следует искать скорее в области морфологии, чем фонологии, — по крайней мере стоит сделать такую попытку.

В системе даргинских глаголов много форм, которые с помощью одинаковых показателей образуются от основ обоих видов — это означает, что в огромном числе случаев фонологическое окружение корней СВ и НСВ идентично. В оставшихся формах также нет очевидных различий фонологических контекстов, в которых оказывается корневой сонант в СВ и НСВ (см., например, словоформы в 15).

Мы пока не видим никаких факторов, которые могли бы вызвать падение сонанта в одном виде при сохранении его в другом. Конечно, можно предположить, что существовали какие-то факторы, которые в современных языках полностью или почти полностью утрачены. Например, имеет смысл обратиться к ударению. Действительно, в ряде современных даргинских идиомов есть противопоставление ударения в формах СВ и в части форм НСВ: в СВ ударение лексическое (чаще всего на корне), в НСВ оно переходит на слог, следующий за корнем (Абдуллаев 1954: 61–71; Шахбанова 2011; Сумбатова, Ландер 2014: 114–117; Сулайбанов, Сумбатова 2022). Хотя в современных языках, где зафиксировано это явление, ударение в диагностических формах не сдвигается (Сумбатова, Ландер 2014: 114–117), вполне возможно тем не менее, что ударение или другие, еще менее очевидные факторы влияли на фонологическую структуру глагольных корней. Однако с еще большей уверенностью можно утверждать, что поскольку два варианта корня выражают разные грамматические значения, то морфологические факторы должны были присутствовать. Категория или категории, соответствующие современной категории вида, в процессе своего формирования наверняка имели другой статус и другую интерпретацию, однако не могли не иметь каких-либо средств маркирования.

В следующем разделе, где дается описание корней нашей базы, мы будем также обсуждать соотношение сонантов и расширителей корня. Для простоты — в тех случаях, когда это непринципиально, — вместо собственно расширителей корня мы будем говорить о показателях аориста. Мы будем возвращаться к проблеме расширителей корня в разделе 6.

5. Классы глагольных корней с точки зрения соотношения СВ/НСВ

5.1. Разметка базы данных

Мы разметили все глагольные корни нашей базы данных по следующим простым параметрам:

1. структура корня в СВ и НСВ с учетом наличия слота классного согласования
2. гласные в СВ/НСВ
3. сонанты в СВ/НСВ ($r, l, m, b, \text{š}^{26}$, отсутствие сонанта)
4. показатель аориста, который присоединяет данный корень (аналог расширителя корня).

Например, у тантынского глагола ‘падать’ в (9а) структура CL-URC/CL-UC, гласные i/i , сонант $r/^{*}$, нулевой расширитель корня (показатель аориста $-Vb$).

²⁶ Другие сонанты встретились лишь в отдельных языках и не оказались основными ни для одной серии.

Корни, существующие только в одном видовом варианте, точно так же размечены в одном виде.

Для конкретного корня конкретного языка подобная разметка представляет собой тривиальную задачу. Гораздо менее тривиален ответ на вопрос о том, в какой степени возможно приписать определенный признак целой компаративной серии. Прежде всего нас интересовала собственно структура корней.

Рассмотрим, например, глаголы в примере (20).

- (20) а. ‘связывать, привязывать’: литературный, кадарский, мегебский, муиринский, кайтагский, ицаринский *CL-ih/CL-ilh*; чирагский, тантынский, кубачинский *CL-iχ/CL-ilχ*
 б. ‘гнить, портиться’: литературный, мегебский, муиринский *CL-erĥ/CL-uĥ*; кадарский *CL-erĥ/uĥ*; тантынский, ицаринский *CL-erʔ/CL-uʔ*; чирагский *CL-arʔ/CL-urʔ*
 в. ‘красить’: литературный *CL-erx/rurx*; тантынский *CL-erx:/rurx:*; ицаринский *CL-erx:/rux:*; кубачинский *CL-e:š:/juš:*; кайтагский *CL-erx* (CB)
 г. ‘давать’: кайтагский *CL-ek:/luk:*, кадарский, мегебский *g/lug*, ицаринский *CL-ik:/lūk:*, муиринский, *CL-ik:/luk:*, *ilk:*, чирагский *CL-ik:/ik:*; тантынский *k:*, *CL-ik:/luk:*; кубачинский *CL-ič:/luč:*

В (20а) структура глагольного корня CL-AC/CL-ARC во всех языках; в (20б) шесть языков из семи имеют структуру корня CL-ARC/CL-UC, и только в чирагском соответствующий корень имеет структуру CL-ARC/CL-URC. Корень глагола ‘красить’ в (20с) представлен всего в пяти языках выборки; при этом в двух из них (литературном и тантынском) он имеет структуру CL-VRC/RURC (структура RURC в HCB является нестандартной и не отражена в (7)); в двух других языках (ицаринском и кубачинском) структура этого корня — CL-VRC/RUC; кайтагский корень представлен только в CB. Наконец, корень глагола ‘давать’ в (20д) демонстрирует максимальное разнообразие структур: в кайтагском, ицаринском и кубачинском CL-AC/RUC; в муиринском структура та же, но в HCB есть также вариант URC; в тантынском есть нестандартный вариант в CB (корень, состоящий из одной согласной C, см. 5.2); в кадарском и мегебском CB также состоит из одной согласной (C/RUC); в чирагском CB отличается от HCB только наличием классного показателя (CL-AC/AC).

Данные нашей базы показывают, что, как правило, корни, входящие в одну компаративную серию, имеют и одинаковую структуру²⁷. Из 170 серий в базе более чем у половины (94 корня) фонологическая структура, а следовательно, и способ противопоставления видов совпадает во всех языках, где эти корни зафиксированы. Для большинства остальных корней отмечается не более одного-двух отклонений. Наибольшее количество отклонений от стандарта отмечено в кубачинском²⁸, мегебском и ицаринском идиомах. Кайтагские данные невозможно оценить из-за того, что для большого числа корней в словаре дается только один вид.

²⁷ В работе Муталов 2002: 51–63 отмечено, что категория вида в даргинских языках не показывает существенных диалектных расхождений, в отличие от большинства других грамматических категорий.

²⁸ Количество отклонений в кубачинском, видимо, несколько завышено из-за особенностей словаря: как отмечено выше, в кубачинском корневой сонант *r* исчезал, оставляя после себя долготу гласного. В соответствии с нашими правилами, мы приписываем корням с долготой структуру (CL-)VRC. В целом словарь Магомедов, Саидов-Аккутта 2017 отражает долготу, однако не всегда последовательно, так что для части корней она может оказаться неотмеченной. В этом случае структура, приписанная соответствующим корням в базе, может оказаться ошибочной.

Из всех признаков, по которым могут противопоставляться видовые варианты, наиболее подверженным колебаниям оказывается наличие или отсутствие метатезы (эта проблема рассматривается в разделе 6.2).

С точки зрения диахронии совпадение структуры корней СВ и НСВ во всех или в большинстве представленных языков, очевидно, означает, что противопоставление, аналогичное нынешнему, в основном существовало уже на протодаргинском уровне. Для нашего исследования это, кроме того, означает, что для каждой компаративной серии можно зафиксировать способ противопоставления вариантов СВ и НСВ и приписать этот способ (=основной вариант) всей серии и тому историческому корню, который она представляет. В частности, корням, представленным в (20a) и (20b), мы можем приписать структуры CL-AC/CL-ARC и CL-ARC/CL-UC соответственно.

В нескольких компаративных сериях отмечены существенные расхождения структуры корня (как в 20d) или представлены две структуры в равном или почти равном количестве, как в (20c). В таких случаях (всего это 11 компаративных серий) мы будем считать, что данный корень не имеет основного варианта структуры.

Аналогичным образом выяснилось, что в большинстве случаев компаративным сериям можно также приписать и прочие признаки: гласные корня, сонант корня, расширитель корня. При этом мы учитывали регулярные фонетические соответствия и известные нам фонетические изменения, характерные для отдельных идиомов. Например, кубачинские корни с долгой гласной размечены как корни с сонантом *r*. Корни севернодаргинских языков, синхронно имеющие структуру CL-A или CL-AR, размечены как CL-AC и CL-ARC соответственно (см. раздел 3)²⁹. В тех случаях, когда в пределах серии идиомы существенно различались по какому-либо признаку, это специально отмечалось (в таблицах указано «непослед.»).

Например, корни, представленные в примере (20), имеют признаки, указанные в Таблице 6 (информация о расширителе корня взята из базы данных).

	Значение	Структура	Гласные	Сонанты	Расширитель корня
(20a)	‘связывать, привязывать’	CL-AC/CL-ARC	<i>i/i</i>	<i>*/l</i>	N (- <i>un</i>)
(20b)	‘тнить, портиться’	CL-ARC/CL-UC	<i>e/u</i>	<i>r/*</i>	Ø (- <i>Vb</i>)
(20c)	‘красить’	непослед.	<i>e/u</i>	<i>r/r</i>	R (- <i>ur</i>)
(20d)	‘давать’	непослед.	непослед.	<i>*/l</i>	Ø (- <i>Vb</i>)

Таблица 6. Разметка корней в базе (примеры).

5.2. Классы глагольных корней

В результате полной разметки и сравнения всех глаголов базы по указанным признакам выяснилось, что в глагольных корнях допускается меньшее разнообразие гласных, сонантов и показателей аориста, чем это теоретически допустимо.

Напомним, что в нашей базе 170 компаративных серий глагольных корней, из которых 149 являются двувидовыми. Как выяснилось, большинство глаголов (153) может быть отнесено к одной из нескольких сравнительно больших групп (строки 1–9 в Таблице 7). Эти группы, а также глаголы, не попавшие в группы, перечислены и проиллюстрированы ниже в этом разделе.

²⁹ Вероятно, часть регулярных соотношений мы не учли, так как не все они полностью ясны.

	Структура корня: СВ/НСВ ³⁰	Кол-во глаголов	Классное согласование	Гласные	Сонанты	Показатели аориста
1	ARC/URC	37	+/+, -/-	a/u, e/u, a/i	любые	любые (-ur, -un, -Vb)
2	AC/UC	14	+/+, -/-	a/i	*	-ib
3	ARC/RUC	11	+/-	e/u (a/u)	l	-un
4	AC/ARC	41	+/+, -/-	любые	l, r	любые
5	URC/UC	13	+/- (+/+)	i, u	r	-Vb
6	ARC/UC	13	+/+ (+/-)	e/u	r	-Vb
7	URC/URC	7	+/+, +/-, -/-	i, u	r, m, š	-Vb
8	AC	10	+	i, u	*	-Vb (-un, -ur)
9	ARC	7	+	u	любые	различные
10	UC/UC	3	+/+, +/-	i	*	-Vb
11	AC/URC	2	+/+	a/i	r	-Vb
12	С (НСВ)	1	-	*	*	-Vb
13	прочие	11				
Всего		170				

Таблица 7. Классы глагольных корней в даргинских языках (выражение вида)

Ниже приводятся примеры глагольных корней из каждой группы и краткие комментарии к ним.

Группа ARC/URC (37 серий)

У корней этой группы (строка 1 в Таблице 7) видовое противопоставление выражается чередованием гласных, сонант присутствует в обоих видах, метатезы не происходит. Группа ARC/URC — одна из двух самых больших в нашей базе. У большинства глаголов в этой группе классный показатель представлен в обоих видах (25 глаголов), у остальных 12 глаголов классный показатель в обоих видах отсутствует, то есть наличие классного согласования для выражения видового противопоставления не используется.

Чередование гласных в корнях этого типа — это чередование широкого гласного (a или e) в СВ с узким гласным (u, реже i) — в НСВ³¹. Из четырех теоретически допустимых вариантов таких чередований в действительности зафиксированы три — a/u, e/u, a/i, которые встречаются в сопоставимых количествах. Сонанты и показатели аориста в этой группе корней могут быть любые. Примеры корней приводятся в (21).

(21) корни группы ARC/URC

- ‘распухать’: литературный CL-*emd*/CL-*umd*; муиринский, тантынский CL-*emt*/CL-*umt*; ицаринский CL-*ebt*/CL-*ubt*; кайтагский CL-*ewt*: (СВ)
- ‘открывать(ся)’: кайтагский *awx/iwx*; литературный, кадарский, мегебский *abx/ibx*; муиринский *abx/ebx*; чирагский, тантынский *abx:/ibx*:
- ‘находить’: муиринский, кайтагский, тантынский, ицаринский CL-*ark*/CL-*urk*; кадарский CL-*arg*/CL-*irg*; литературный, мегебский CL-*arg*/CL-*urg*; чирагский CL-*ijk*/CL-*ujk*:

³⁰ Без учета слота для классного показателя.

³¹ В кубачинском языке на месте гласной e других языков регулярно выступает i (в части случаев), в этих корнях представлено чередование двух узких гласных i/u, см. корень *ilχ:ʷ/ulχ:* ‘погибать’ в Таблице 10.

- d. ‘сгибать(ся)’: литературный, муиринский, тантынский *CL-alk'/CL-ulk'*; кубачинский *CL-a'lk'/CL-u'lk'* (ицаринский *CL-a'lk'/luk'*)³²
- e. ‘гнить’: тантынский *CL-a'sq'/CL-u'sq'*; ицаринский *CL-a'sk'/CL-u'sk'* (литературный *CL-u'sq'/CL-u'sq'*)

Группа AC/UC (14 серий)

Эта группа объединяет глаголы, также выражающие вид при помощи чередования, но при этом не имеющие сонанта ни в одном виде. Классный показатель (как и в корнях ARC/URC) либо присутствует в обоих видах, либо отсутствует также в обоих видах. Остальные признаки демонстрируют полное единообразие: гласные во всех глаголах *a/i*, суффикс аориста всегда *-Vb*.

(22) корни группы AC/UC

- a. ‘преодолевать’: кайтагский, литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, ицаринский, чирагский, кубачинский *aq/iq*
- b. ‘мазать’: литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, ицаринский, кайтагский, кубачинский *CL-ak/CL-ik* (чирагский *CL-ik/CL-irk*)

Группа ARC/RUC (11 корней)

Эта небольшая группа — единственная, в которой происходит метатеза. В СВ всегда есть классный показатель, в НСВ его нет и не может быть, так как позицию перед гласной, в которой мог бы располагаться классный показатель, занимает сонант. Одновременно наблюдается и чередование гласных. В этой группе, как и в предыдущей, наблюдается исключительное единообразие всех признаков: чередующиеся гласные, за единственным исключением, всегда *e/u*, сонант всегда *l*, суффикс аориста всегда *-un*.

(23) корни группы ARC/RUC

- a. ‘варить(ся)’: литературный, кадарский, муиринский *CL-elx/lux*; чирагский *CL-elx:^w/lux*; тантынский, ицаринский *CL-elx:/lux*; кайтагский *CL-elx* (СВ) (мегебский *CL-erx/CL-urx*)
- b. ‘писать’: литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, чирагский, ицаринский, кайтагский *CL-ell'/luk'*
- c. ‘собирать’³³: кайтагский, литературный, кадарский, ицаринский, кубачинский *CL-alc'/luc'* (муиринский *CL-alc'/CL-ulc'*)

Группа AC/ARC (41 серия)

В корнях этой группы, самой большой в нашей базе, сонант отсутствует в СВ, присутствует в НСВ, в обоих видах представлена одна и та же гласная. Как и в группах ARC/URC и AC/UC, большая часть корней (33) имеет слот для классного показателя в обоих видах, остальные корни (их 7) в обоих видах классного показателя не имеют.

В корнях группы AC/ARC встретились только сонанты *l* (25 раз) и *r* (16 раз), при этом отмечены все диагностические суффиксы. Что касается гласных, то в этой группе

³² Здесь и далее в примерах в скобках даны корни, структура которых отклоняется от основного варианта серии.

³³ Этот глагол имеет чередование *a/u* и представляет собой единственный случай в данной группе, где чередование гласных отличается от *e/u*.

встретились гласные *a, i, u*, причем если в присутствии сонанта *l* возможны разные гласные (хотя и с заметным преобладанием *a*), то сонант *r* сочетается почти исключительно с узкими гласными³⁴.

Очевидным средством маркирования видовой оппозиции в корнях AC/ARC является наличие/отсутствие сонанта, однако направление исходной деривации (от СВ к НСВ или наоборот) пока неясно.

(24) корни группы AC/ARC

- a. ‘падать’: кайтагский, литературный, кадарский, мегебский, муиринский, тантынский, ицаринский *CL-ik/CL-irk*
- b. ‘привязывать’: литературный, кадарский, мегебский, муиринский, кайтагский, ицаринский *CL-ih/CL-ilh*; чирагский, тантынский, кубачинский *CL-iχ/CL-ilχ*
- c. ‘двигаться’: кайтагский, литературный, кадарский, мегебский, муиринский, чирагский, тантынский, ицаринский, кубачинский *CL-uq/CL-ulq*

Группа URC/UC (13 серий)

Эта сравнительно небольшая группа устроена зеркальным образом по отношению к предыдущей: здесь сонант присутствует в СВ и отсутствует в НСВ. Группа отличается единообразием: все корни имеют в СВ сонант *r* и присоединяют показатель аориста *-Vb*; все глаголы имеют узкий гласный (*i* или *u*). 11 глаголов из 13 имеют классный показатель в СВ и не имеют в НСВ, оставшиеся два имеют класс в обоих видах.

(25) корни группы URC/UC

- a. ‘доить’: литературный, кадарский, мегебский *CL-irz/iz*; кайтагский, чирагский, тантынский, ицаринский *CL-irc/ic*; (муиринский *CL-erc/ic*)
- b. ‘вонзать, втыкать’: кадарский *CL-urh/uh*; ицаринский *CL-uʳχ:/uʳχ*; кубачинский *CL-uʳχ:/CL-uʳχ*; кайтагский *CL-urχ*: (СВ)

Группа ARC/UC (13 серий)

Эта группа похожа на предыдущую тем, что сонант присутствует только в СВ, однако отличается от нее в двух отношениях: во-первых, гласная корня чередуется, во-вторых, классный показатель присутствует в обоих видах. Как и предыдущая, эта группа довольно однородна: гласные в ней всегда *e/u* (нет ни одного исключения), а сонант — почти исключительно *r* (единственное исключение — глагол ‘читать’ (26с)). В отличие от всех ранее перечисленных корней, в корнях этой группы одновременно используется инфиксация и чередование.

(26) корни группы ARC/UC

- a. ‘гнить, портиться’: литературный, кадарский, мегебский, муиринский *CL-erh/uh*; чирагский *CL-arʔ/CL-urʔ*; тантынский, ицаринский *CL-erʔ/CL-uʔ*; кайтагский *CL-erʔ* (СВ)
- b. ‘рвать; косить’: литературный *CL-erd/ud*; кайтагский, муиринский, чирагский тантынский, ицаринский *CL-ert:/ut*; кубачинский *CL-e:t/CL-ut*
- c. ‘читать’: литературный, кадарский, муиринский, тантынский, ицаринский *CL-elč'/CL-uč'* (мегебский *CL-elč'/CL-luč'*; кубачинский *CL-ilč'/luč'*; кайтагский *CL-elč'/CL-ulč'*)

³⁴ Единственное исключение — нерегулярный глагол *ag/arg* ‘уходить; становиться’, который в части языков не имеет НСВ.

Группа URC/URC (7 серий)

Эта небольшая группа внешне напоминает группу ARC/URC, однако корни СВ и НСВ в ней совпадают (в двух случаях из семи видовые варианты корней различаются наличием классного показателя). Слишком малое число глаголов не позволяет формулировать значимые обобщения относительно прочих параметров.

(27) корни группы URC/URC

- а. ‘подметать’: кадарский *CL-išk^w/išk^w*; мегебский, муиринский, тантынский *CL-ušk/ušk*; литературный *CL-ušk/(CL-)ušk*; чирагский *CL-ušk/ušk*;
- б. ‘искать’: кайтагский, кадарский *umc’* (СВ); литературный, тантынский *umc’/umc’*; ицаринский *ubc’* (НСВ); кубачинский *CL-umc’/CL-umc’*;
- с. ‘жать’: литературный, кадарский *CL-irx/CL-irx*; мегебский *irx/irx*; тантынский, чирагский, ицаринский *CL-irx:/irx*;

Группы AC и ARC

Последние две заметные группы объединяют корни, существующие только в НСВ. 10 таких корней имеют структуру AC; 9 из них имеют классный показатель. Почти во всех (одно исключение) корневой гласный узкий (*i*, *u*). Еще 7 глаголов имеют структуру ARC (5 имеют классный показатель). В шести сериях из семи корневой гласный *u*, в одной *i*.

(28) корни групп AC и ARC

- а. ‘спать’: муиринский, кайтагский, тантынский, кубачинский *CL-us*; литературный, кадарский, мегебский *CL-us* (чирагский *CL-is:/CL-ils*);
- б. ‘хотеть’: литературный, мегебский *CL-ig*; кадарский *d.ig³⁵*; муиринский, тантынский, кайтагский, чирагский, ицаринский, кубачинский *CL-ik*;
- с. ‘играть’: кайтагский *CL-iw?*; литературный, кадарский *CL-umh*; ицаринский *CL-ub?*; кубачинский *CL-u^hm?*

Прочие корни

Оставшиеся корни (всего 17) не образуют больших групп. Для большинства этих корней характерны существенные расхождения по языкам.

Три корня (строка 10 в Таблице 7) имеют совпадающие СВ и НСВ (UC/UC), то есть сходны с корнями группы URC/URC, но не имеют сонанта (29)). Классный показатель присутствует либо только в СВ, либо в обоих видах. Гласный везде *i*.

(29) корни структуры UC/UC

- а. ‘бить’: кадарский, кубачинский *CL-it/CL-it*; литературный, чирагский, тантынский, ицаринский *CL-it/it*;
- б. ‘зажигать’: кайтагский, чирагский, ицаринский, кубачинский *CL-ik:^w/ik:^w*; кадарский, мегебский, литературный *CL-ig/ig*; тантынский *CL-ik:/ik:*; муиринский *CL-ek:/ik:*;
- с. ‘держатъ, хранитъ’: кадарский, литературный *CL-ih/CL-ih*; тантынский *CL-iχ*: (НСВ)

Еще два корня (строка 11 в Таблице 7) имеют сонант только в НСВ и одновременно чередование гласных, аорист -*Vb*.

³⁵ В кадарском исходный корень *CL-ig* утратил классное согласование, показатель неличного множественного класса *d-* склеился с корнем *d-ig* > *dig*.

(30) корни AC/URC

- a. ‘драться, сражаться’: литературный, тантынский *CL-aʰh/CL-irh*; муиринский *CL-ih/CL-irh*; ицаринский *CL-aʰh/CL-ih*
- b. ‘ударять’: кадарский, мегебский, литературный, тантынский *CL-aʰq/CL-irq*; ицаринский *CL-aʰq/CL-urq*; кайтагский *CL-aʰq* (СВ); муиринский *CL-aʰq/CL-aʰrq*; кубачинский *CL-aʰq/CL-urq*

Пять глаголов в части языков имеют в НСВ структуру *rurC*; три из них двувидовые (*CL-erC/rurC* или *CL-arC/rurC*), два имеют только НСВ. Большинство таких корней присоединяют суффикс аориста *-ur*. Структура *rurC* неустойчива, в этих корнях много расхождений между языками.

(31) корни, имеющие НСВ *rurC* (полный список)

- a. ‘пилить’: литературный, тантынский *CL-erč/rurč*, муиринский *CL-erč/CL-urč*, ицаринский *erč/ruč*, кубачинский *CL-eč/CL-urč*
- b. ‘изучать’: литературный *CL-aʰrq/rurq*, тантынский *CL-erq/ruʰrq*; ицаринский *CL-aʰrq/ruʰq*
- c. ‘красить’: литературный *CL-erx/rurx*; тантынский *CL-erx:/rurx:*, кайтагский *CL-erx* (СВ); ицаринский *CL-erx:/rux:*; кубачинский *CL-e:š:/juš:*
- d. ‘дрожать’: кайтагский, муиринский, тантынский, ицаринский *rurč:* (НСВ); кадарский, мегебский, литературный *rurž*, кубачинский *juč*
- e. ‘кипеть’: литературный, муиринский *rurq* (НСВ), чирагский *iq/iq*; тантынский *rurq/rurq* (СВ и НСВ), ицаринский *ruq*

Еще два корня — ‘шить’ и ‘убегать, спастись’ — не удается отнести к той или иной группе, так как их структура расходится по языкам выборки (хотя в целом регулярна).

- (32) a. ‘шить’: кадарский *ib/ib*; мегебский *CL-erb/ib*, литературный *CL-irb/ib*; муиринский *CL-ep/ip*
- b. ‘убегать, спастись’: литературный *CL-erc/uc*; муиринский, тантынский *CL-erc/CL-urc*, кубачинский *CL-e:s/CL-us*; ицаринский *erc/ruc*; кайтагский, кадарский (СВ) *CL-erc*

Глагол ‘сказать’ (строка 12 в Таблице 7) во многих языках имеет только корень СВ, который состоит из одной согласной *ʔ*. В ряде языков фонема */ʔ/* реализуется как фонетический нуль перед гласной в начале слова и между гласными. В последнем случае ее присутствие распознается по отсутствию стяжения гласных.

- (33) ‘сказать’³⁶: кадарский, мегебский, литературный, чирагский, тантынский, кубачинский *ʔ* (СВ), ицаринский *CL-iʔ/CL-ir*

Оставшиеся четыре глагола — это частотные и при этом нерегулярные глаголы, у которых один из членов видовой пары (чаще НСВ) состоит из одного согласного *C*. Эти глаголы неоднородны — вплоть до того, что в одной компаративной серии корень структуры *C* в разных языках представлен в разных видах (34), поэтому мы не склонны считать, что они образуют единую группу.

³⁶ Глагол ‘сказать’ во многих языках имеет только корень СВ, который состоит из одной согласной *ʔ*. В ряде языков фонема */ʔ/* реализуется как фонетический нуль между гласными и перед гласной в начале слова. В последнем случае ее присутствие распознается по отсутствию стяжения гласных.

- (34) нерегулярные глаголы, имеющие в одном из видов корень структуры С
- ‘нести’: кайтагский *CL-uq:/iq;*; муиринский *CL-uq:/q;*; чирагский *CL-arq;*, *CL-uq;*, *sa-q:/CL-iq;*; тантынский *CL-q;*, *q:/CL-iq;*; ицаринский, кубачинский *CL-uq:/CL-iq;*
 - ‘вести’: кайтагский *CL-uk* (CB); кадарский *CL-uk/k;*; мегебский *k/(i)k;*; литературный *k*, *CL-uk/CL-ik*, муиринский *CL-uk/CL-ik*, *(ar-)k;*; чирагский *CL-erk* (CB); тантынский *CL-uk/k*, *CL-ik;*; ицаринский *CL-uk/CL-ik;*; кубачинский *č/CL-ič*
 - ‘идти, уходить’: кадарский *uq'/q';*; мегебский *CL-a'q';*; литературный *CL-uq'/q';*; чирагский *CL-uq' (sa-q')* (НСВ); тантынский *CL-q', q'* (НСВ); кубачинский *CL-u'q' (CB)*
 - ‘давать’: кайтагский *CL-ek:/luk;*, кадарский, мегебский *g/lug*, ицаринский *CL-ik:/lūk;*; муиринский, *CL-ik:/luk;*, *ilk;*, чирагский *CL-ik:/ik;*; тантынский *k;*, *CL-ik:/luk;*; кубачинский *CL-ič:/luč;*

Таким образом, мы убедились, что варьирование признаков, различающих видовые варианты корней в даргинских языках, ограничено довольно жесткими рамками и что большая часть глагольных корней (точнее — видовых пар) образует сравнительно большие однородные группы. В следующем разделе мы постараемся выдвинуть некоторые гипотезы относительно направления деривации в различных типах глагольных корней и обсудить возникающие при этом проблемы.

6. Попытка интерпретации

В разделе 5 мы перечислили и проиллюстрировали все структуры глагольных корней, зафиксированных в нашей базе, а также описали пределы варьирования различных элементов этих структур — наличие/отсутствие классного согласования, выбор гласных, наличие и выбор сонанта, сочетаемость с определенными диагностическими суффиксами. Ниже мы постараемся обобщить эти сведения и построить гипотезы относительно способа и направления аспектуальной деривации внутри различных групп корней.

6.1. Корни, выражающие вид при помощи чередования гласных

Первый большой класс глагольных корней — это корни, у которых СВ и НСВ различны, но при этом одинаково сложны: сонант и классный показатель либо присутствуют, либо отсутствуют в обоих видах, а видовое противопоставление выражается чередованием гласных. В этот класс попадают корни структуры ARC/URC (примеры 21) и AC/UC (22), а исторически, по-видимому, также группа с метатезой ARC/RUC, как мы постараемся показать в разделе 6.2.

В группах ARC/URC и AC/UC средством выражения вида является чередование широкого vs. узкого гласного в корне: в группе ARC/URC чередуются *a/u*, *e/i* или *a/i*, в группе AC/UC — только *a/i*. В корнях типа AC/UC сонантов нет, а показатель аориста всегда *-Vb*. В группе ARC/URC представлены все сонанты, в принципе допустимые в глагольных корнях, в том числе *m*, *b*, *š*. Диагностические суффиксы также максимально разнообразны. Ни сонанты, ни диагностические морфемы в противопоставлении видов не участвуют.

Связь диагностических суффиксов с сонантом просматривается очень четко: в корнях типа ARC/URC сонанты *b*, *l*, *m* встречаются только с одним суффиксом каждый — это *-Vb*, *-un* и *-ur* соответственно; сонант *r* обычно сочетается с показателем *-Vb*, но в этой группе допустим также и с *-ur* (Таблица 8).

Сонант	Показатель аориста	Кол-во корней	
r/r	-Vb	12	18
	-ur	5	
	непослед.	1	
b/b	-Vb	6	6
l/l	-un	5	5
m/m	-ur	7	7
š/š	-ur	1	1
	Всего	37	37

Таблица 8. Соотношение сонантов и окончаний аориста в корнях типа ARC/URC

Сонант	Гласная СВ	Гласная НСВ	Кол-во корней	
r/r	a	i	6	18
	a	u	6	
	e	u	4	
	непослед.	непослед.	2	
b/b	a	i	2	6
	a	u	1	
	e	u	3	
l/l	a	u	3	5
	непослед. (a, e)	u	2	
m/m	a	u	3	7
	e	u	4	
š/š	a	u	1	1
/	a	i	14	14
Всего			37	37

Таблица 9. Соотношение сонантов и гласных в корнях типа ARC/URC и AC/UC

Синхронно чередование гласных в корнях типа ARC/URC и AC/UC выглядит как эквивалентная оппозиция, но исторически одна видовая основа скорее всего образовалась от другой. Каких-то очевидных правил предсказания гласной одного из видов на основании свойств другого вида построить пока не удастся. О. А. Мудрак (2016: 76) отмечает, что независимым является только гласный СВ, тогда как гласный в корне НСВ определяется сонантом корня, как это показано в Таблице 5 в разделе 4 (последние четыре строки). Таблица 5 предсказывает гласный *u* в НСВ всех корней типа ARC/URC и гласный *i* в НСВ корней AC/UC.

Наши данные не совсем подтверждают это предсказание: из 37 корней ARC/URC в нашей базе 8 имеют чередование *a/i* (например, корень ‘открывать(ся)’ в примере 23b). Что касается корней без сонантов, то для них предсказание Мудрака выполняется, но

для этих корней однозначно предсказываются гласные и в СВ, и в НСВ, так что направление деривации определить опять не удастся.

Тем не менее мы склонны согласиться с мнением Мудрака и осторожно предполагаем, что деривация в данном случае шла от СВ к НСВ, причем средством выражения НСВ было сужение исходной гласной (далее в этой статье мы будем исходить из этого предположения). Для заметного числа корней этой группы гласная в НСВ действительно определяется по сонанту корня: все корни с сонантами *l* и *m* имеют в НСВ *u* (при этом в СВ может быть как *a*, так и *e*), все корни без сонантов (группа AC/UC) имеют чередование *a/i*, и только для корней с сонантами *r* и *b* допустимы как *u*, так и *i* (причем *u* явно преобладает). Кроме того, связь именно узких гласных с выражением НСВ заметна и в других группах корней.

6.2. Корни с метатезой

Глагольные корни с метатезой сонанта имеют в НСВ структуру RUC, точнее, *luC* (строка 3 в Таблице 7, примеры 23)³⁷. Наличие или отсутствие метатезы — это параметр, для которого сравнительно часто наблюдается варьирование по языкам: глаголы, имеющие корень СВ вида (CL-)*elC* или (CL-)*alC*, в одних языках имеют корень НСВ структуры *luC*, а в других — корень НСВ (CL-)*ulC*. В зависимости от того, какой вариант чаще встречается в отдельных языках, соответствующие серии попадают у нас либо в группу ARC/URC, либо в группу ARC/RUC. Например, глаголы ‘оставаться’ и ‘наладить, нарядить’ (35), попали в группу ARC/URC, так как в большинстве языков, где представлены эти корни, метатезы не происходит, в отличие от глаголов ARC/RUC в примере (23) выше.

(35) а. ‘оставаться’: кайтагский *alg/ulg*; кадарский, мегебский *alʔ/ulʔ*; литературный *al/ul*³⁸; муиринский *Vlg/Vlg*; чирагский, тантынский *elg/ulg*; ицаринский *elg/lug*; кубачинский *ilg/lug*

б. ‘наладить, нарядить’: кайтагский CL-*alg* (СВ); литературный, муиринский, чирагский CL-*alg/CL-ulg*; ицаринский, кубачинский CL-*alg/lug*

Мы предполагаем, что структура *luC* является результатом регулярного преобразования *ulC* > *luC*, условия которого, однако, различаются для разных даргинских языков. Если это предположение верно, то группа ARC/RUC может считаться подклассом группы ARC/URC, содержащим глаголы с сонантом *l*.

Данные, позволяющие проверить это предположение, представлены в Таблице 10. В нее включены корни всех глаголов нашей базы, имеющие СВ структуры CL-*elC* или CL-*alC*. Это 10 корней группы ARC/RUC и 6 корней группы ARC/URC. Если соответствующего корня в базе нет, то клетка остается пустой; две звездочки означают, что корень в некотором языке есть, но имеет другую структуру. Знаком ‘=’ отмечена позиция классного показателя. Клетки с корнями, в которых метатеза не происходит, выделены заливкой.

Данные в таблице 10 в целом подтверждают предположение, высказанное выше. На наличие метатезы может влиять прикрытость корневого слога (то есть наличие классного согласования или преверба), иногда гласный корня СВ.

³⁷ В ицаринском, чирагском и кубачинском встречаются корни, имеющие в НСВ структуру *ruC*, однако им не соответствуют корни аналогичной структуры в других языках и они не попадают в рассматриваемую группу ARC/RUC (примеры таких корней есть в 31).

³⁸ В литературном языке представлен вариант с выпадением опорного согласного *g*. Об этом явлении см. раздел 1.3 (Таблица 2).

Язык	кадарск.		мегебск.		акушинск.		муиринск.		чирагск.		тантынск.		ицаринск.		кубачинск.	
наестся					=elq:	luq:					=elq:	luq:			=ilq:	luq:
писать	=elk'	luk'	=elk'	=luk'	=elk'	luk'	=elk'	luk'	=elk'	luk'	=elk'	luk'	=elk'	luk'		
связывать					=els	lus					=els:	lus:	=els:	lus:	=ils:	lus:
срывать					=elt'	lut'					=elt'	lut'	=elt'	lut'	=ilt'	lut'
варить(ся)	=elx	lux	**	**	=elx	lux	=elx	lux	=elx ^w	lux:	=elx:	lux:	=elx:	lux:	=ilx:	lux:
брить, стричь	=alʔ	luʔ			=a'ʔ	luʔ	=ilʔ	luʔ			=elʔ	lu'ʔ				
зарезать	=elh	luh	**	**	=elh	luh	=elh	luh	=elx ^w	luχ	=elχ	luχ	=elh	luh	=ilχ ^w	luχ
молотъ	=elq'	luq'	=elq'	luq'	=elq'	luq'	=elq'	luq'	**	**	=elq'	luq'	**	**	**	**
считать			elʔ	ulʔ	**	**	**	**	=elg ^w	lug	=elg ^w	lug	=elg	lug	=ilg ^w	lug
собирать	=alc'	luc'			=alc'	luc'	=alc'	=ulc'					=alc'	luc'	=alc'	luc'
наладить					=alg	=ulg	=alg	=ulg	=alg	=ulg			=alg	lug	=alg	lug
резать	=alɤ	luɤ	alʔ	ulʔ	**	**	**	**	=alɤ	=ulɤ	=alɤ	=ulɤ/ luɤ	=alɤ	luɤ	=alɤ	luɤ
просы- паться			=alh	=ulh	=elh	=ulh					=alɿ	ulɿ	=alh	luh	=alh	=ulh
гнутья					=alk'	=ulk'	=alk'	=ulk'			=alk'	=ulk'	=a'lk'	luk'	=a'lk' ^w	=u'lk'
оставаться	k.alʔ	k.ulʔ	k.alʔ	k.ulʔ	**	**	**	**	elg	ulg	k.alg	k.ulg	elg	lug	ilg	lug
погибать	**	**			alχ	ulχ			elχ ^w	ulχ ^w	alχ ^w	ulχ ^w	elχ ^w	luχ ^w	ilχ ^w	ulχ ^w

Таблица 10. Корни структуры VIC/luC и VIC/ulC

Наиболее последовательно метатеза происходит в ицаринском и кадарском идиомах. Единственное исключение — глагол ‘оставаться’ в кадарском, который всегда выступает с превербом *ka-*, при этом на стыке преверба и корня происходит стяжение гласных, так что в результате основа этого глагола выглядит как *kalʔ/kulʔ*. Согласный преверба *k* занимает место перед гласной, куда при метатезе должен был переместиться сонант *l*, и тем самым блокирует метатезу. В ицаринском (а также в кубачинском) соответствующий корень не сливается с превербом, и метатеза имеет место.

Ни в одном из оставшихся языков не происходит метатеза в глаголе ‘погибать’ — это единственный корень в таблице, не присоединяющий ни классного показателя, ни преверба ни в одном из языков.

В тантынском и муиринском метатеза происходит с корнями, имеющими в СВ гласный *e* (в одном случае *i*), но не *a*. Видимо, этому соответствовал какой-то фонетический признак в НСВ, какой — пока непонятно.

В чирагском действует то же правило плюс нет метатезы в глаголах ‘погибать’ и ‘оставаться’ — оба не имеют в чирагском ни классного показателя, ни преверба.

В кубачинском языке в корнях СВ регулярно представлено *i* на месте *e*. Метатеза есть почти во всех корнях (и с *i*, и с *a*), за исключением двух глаголов ('просыпаться', 'тнуться'); почему они ведут себя иначе, пока неясно.

В литературном метатеза имеет место в большинстве глаголов, но правило сформулировать не удастся (фактор *a/e* не действует). Возможно, собственно диалектные данные были бы более последовательными.

Наконец, в мегебском языке соответствующую структуру имеют всего 6 глаголов выборки, в том числе три глагола без классного показателя (ни в одном метатезы нет) и три с классом (метатеза есть в двух из них); этих данных для обобщений недостаточно³⁹.

Следует также отметить, что в тех случаях, когда исходная структура корня ARC/URC изменялась вследствие падения опорного согласного *g*, метатеза не происходила; ср., например, корни *l/ul* 'резать' (аорист *a-l-un*, деепричастие презенса *a-wl-u-li*, преверб *a-*) и *CL-el/CL-ul* 'считать' (аорист *b-el-un*, деепричастие презенса *b-ul-u-li*) в муиринском языке, а также корень глагола 'оставаться' в литературном (35).

Это обстоятельство (как и большое число расхождений между даргинскими языками) показывает, что метатеза — сравнительно недавний процесс, видимо, даже более поздний, чем падение опорных согласных в муиринском и акушинском.

Несмотря на неполную ясность условий метатезы, предположение о том, что она представляет собой результат преобразования структуры *ulC > luC*, кажется нам достаточно обоснованным. Тем самым корни с метатезой гласной и сонанта *l* можно считать подклассом корней с чередованием *a/u* и *e/u*. Как и у других глаголов с сонантом *l*, у глаголов с метатезой при образовании НСВ происходило сужение корневого гласного *a > u* или *e > u*; в этом отношении они полностью укладываются в предположения, сформулированные в конце предыдущего раздела.

6.3. Корни с инфиксацией в СВ

В Таблице 7 представлено две группы корней, имеющих сонант только в СВ: это группы URC/UC и ARC/UC. Как отмечено в разделе 5, группа корней структуры URC/UC отличается единообразием: здесь всегда представлен узкий гласный (*i* или *u*), сонант *r*, показатель аориста *-Vb*.

Для корней этой группы направление и способ словообразования кажется очевидным: СВ образуется от НСВ путем инфиксации показателя *-r-*. Это косвенно подтверждается тем, что классный показатель у большинства корней данной группы присутствует только в СВ. Можно предположить, что исходный корень (соответствующий современному корню НСВ) не имел слота классного согласования; видимо, в данном случае образование производной основы СВ сопровождалось присоединением классных показателей⁴⁰. Кроме того, в данном случае можно учесть значение глаголов: из 13 глаголов данной группы по крайней мере 8 обозначают процессы, то есть представляют собой по умолчанию неопределенные глаголы ('мыть, стирать'; 'доить'; 'брить'; 'стричь'; 'веять'; 'копать'; 'рубить'; 'скрести, вырезать (узор)'). Для таких глаголов более нейтральными являются значения, принадлежащие семантической области имперфектива.

Группа ARC/UC не менее однородна: все 13 корней этой группы имеют чередование *e/u*. 11 корней из 13 имеют сонант *r* (еще один корень имеет сонант *r* в части языков); все

³⁹ Для кайтагского у нас недостаточно данных, поэтому его мы в таблицу не включили.

⁴⁰ В то же время можно допустить и такой вариант развития, при котором исходным был корень СВ, который не имел классных показателей, впоследствии от него образовался корень также НСВ без классных показателей, а еще позднее исходные корни СВ присоединили классные показатели.

эти 11 глаголов имеют показатель аориста *-ib*. В отличие от корней группы URC/UC, почти все корни этой группы (12 из 13) имеют классное согласование в обоих видах.

Значение глаголов этой группы указывает на то, что более вероятно образование СВ от НСВ: большинство этих корней обозначает неопредельные процессы ('читать', 'ткать', 'прясть', 'печь', 'пить', 'есть' (два корня), 'сосать', 'цвести').

Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с двумя процессами: сначала произошла инфиксация *-r-* в корни типа *uC*, образовались видовые пары вида *urC/uC*, а затем развилось чередование по аналогии с корнями типа ARC/URC. Это предположение, конечно, нуждается в дополнительных аргументах. В частности, можно обратить внимание на то, что в сериях структуры URC/UC в отдельных языках есть несколько корней типа ARC/UC; например, так устроен корень глагола 'доить' в муиринском (пример 25), а также некоторые корни в примере (36):

- (36) а. 'мыть': литературный, кадарский, чирагский, тантынский, ицаринский *CL-irc/ic*, кубачинский *CL-is/is*, но муиринский *CL-erc/ic*
 б. 'вонзать, втыкать': кадарский *CL-urh/uh*; ицаринский *CL-uʳχ:/uʳχ*; кубачинский *CL-uʳχ:/CL-uʳχ*; кайтагский *CL-urχ*: (СВ), но тантынский *CL-aʳχ:/uʳχ*:
 в. 'брить': кайтагский, тантынский *CL-irs/is*; кубачинский *CL-is/is*; но муиринский, ицаринский *CL-ers/CL-us*:

Можно предположить, что в этих случаях во всех языках выборки произошла инфиксация *-r-*, но выравнивание имело место лишь в отдельных языках (больше всего таких случаев — пять — в муиринском).

6.4. Корни структуры AC/ARC

Количественные данные для корней вида AC/ARC приводятся в Таблице 11. В этой группе встречаются только сонанты *l* и *r*, но при этом зарегистрированы все показатели аориста.

Сонант	Показатель аориста	Кол-во глаголов	
*/l	-up	18	25
	-ur	6	
	-Vb	1	
	непослед.	1	
*/r	-ur	1	16
	-Vb	15	
	непослед.	1	

Сонант	Гласная	Кол-во глаголов	
*/l	a/a	15	25
	i/i	7	
	u/u	2	
	непослед. (a/a, i/i)	1	
*/r	a/a	1	16
	i/i	12	
	u/u	3	

Таблица 11. Гласные, сонанты и окончания аориста для корней группы AC/ARC

Для глаголов группы AC/ARC направление деривации неочевидно. Естественно предположить, что исторически имела место инфиксация показателя НСВ, который впоследствии дал корневые сонанты *l* и *r*, но возможно также и то, что сонанты, присутствовавшие на более раннем уровне, затем каким-то образом исчезли в формах СВ. В отличие от корней URC/UC, в этой группе встречается не один сонант, который мог бы

трактоваться как инфикс, а по крайней мере два (*l* и *r*); к тому же корни этой группы сочетаются со всеми тремя показателями аориста, то есть группа AC/ARC допускает все три расширителя корня (\emptyset , R, N). Показатели аориста *-ur* и *-un* представлены при этом в формах СВ, где сонанта нет, хотя, как мы знаем, корни без сонантов в норме допускают только показатель *-Vb* (нулевой расширитель). Это может означать, что расширитель корня остался в формах СВ от изначальной формы с сонантом, а следовательно — что деривация происходила от НСВ к СВ.

Еще один интересный сюжет в этой группе связан с корнями, которые присоединяют сравнительно редкий показатель аориста *-ur*. Заметное количество корней с этим показателем есть только в группах ARC/URC и AC/ARC (Таблицы 8 и 11), в прочих группах таких корней не более одного-двух.

Корни группы AC/ARC, присоединяющие показатель аориста *-ur*, расходятся по языкам нашей выборки: в четырех языках — кайтагском, ицаринском, чирагском и кубачинском⁴¹ — эти корни имеют сонант *r*, в остальных языках — сонант *l*. Соответственно различаются и расширители корня: в языках с сонантом *r* в обоих видах представлены диагностические морфемы, соответствующие расширителю корня R, а в языках с сонантом *l* в СВ присоединяются морфемы, соответствующие расширителю корня R, а в НСВ — морфемы, соответствующие расширителю N. Например, в муиринском и тантынском идиомах корни AC/ARC с аористом на *-ur* имеют сонант *l*; в муиринском диагностическими являются формы инфинитива (СВ и НСВ) с показателями *-ara* (для расширителей R и \emptyset) и *-ana* (для расширителя N). В тантынском инфинитив не является диагностическим, но о расширителе корня в НСВ можно судить по формам имперфекта, которые образуются от основы НСВ с помощью того же набора показателей, что и аорист. Таблица 12, в которой собраны все корни AC/ARC с аористом на *-ur* и сонантом *l*, показывает расхождение диагностических морфем в этих двух языках.

	Муиринский				Тантынский		
		СВ: R	СВ: R	НСВ: N		СВ: R	НСВ: N
Глагол	корень	аорист	инфинитив СВ	инфинитив НСВ	корень	аорист	имперфект
‘вставить’	CL-ic/CL-ilc:	a-b-ic:- ur	a-b-ic:- ara	a-b-ilc:- ana	CL-ic/ CL-irc:	ha-b-ic:- ur	ha-b-ilc:- un
‘знать’	CL-ah/CL-alh	b-ah- ur	b-ah- ara	b-alh- ana	CL-aχ/CL-alχ	b-aχ- ur	b-alχ- un
‘оставлять’	CL-at/CL-alt	b-at- ur	b-at- ara	b-alt- ana	CL-at/CL-alt	b-at- ur	b-alt- un
‘сыпать’	aq'/alq'	t:ura-kaq'- ur	t:ura-k-aq'- ara	t:ura-k-alq'- ana	aq'/alq'	kaq'- ur	kalq'- un
‘надевать’	ah/alh	č-ah- ur	či-k-ah- ara	či-k-alh- ana	aχ/alχ	aχ- ur	alχ- un
‘зажигать’	CL-iq'/CL-ilq'	a-b-iq'- un	a-b-iq'- ana	a-b-ilq'- ana	CL-iq'/CL-ilq'	b-iq'- ur	b-ilq'- un

Таблица 12. Сонанты и диагностические морфемы в корнях AC/ARC (СВ и НСВ): муиринский и тантынский

Для сравнения приведем формы кайтагского языка, где также имеется диагностический инфинитив на *-ara* и *-ana*, но рассматриваемые корни имеют сонант *r* (см. таблицу 13).

Таким образом, в группе корней AC/ARC имеются корни с сонантом *r* и нулевым расширителем в обоих видах; корни с сонантом *l* и расширителем N в обоих видах; в пя-

⁴¹ Характерно, что кайтагский, чирагский и кубачинский образуют самостоятельные подгруппы в даргинской группе.

ти языках выборки есть также корни с сонантом *l* и расширителем *R* в СВ и НСВ (Таблица 12), причем это, насколько нам известно, единственная группа корней, имеющая разные расширители в СВ и НСВ⁴².

Глагол	корень	СВ: R	НСВ: R
		инфинитив СВ	инфинитив НСВ
‘становиться’	CL-ic/ CL-irc:	h-ic:- ara (< ha-w-ic:-ara)	h-irc:- ara (< ha-w-irc:-ara)
‘знать’	CL-ah/CL-arh	w-ah- ara	w-arh- ara
‘оставлять’	CL-at/CL-art	w-at- ara	w-art- ara

Таблица 13. Сонанты и диагностические морфемы в корнях AC/ARC (СВ и НСВ): кайтагский

Эти факты можно объяснить, если предположить, что исходно глаголы этой подгруппы имели сонант *r*, и четыре языка, в которых мы видим этот сонант, сохраняют архаичный вариант корня. Для языков с сонантом *l* (то есть муиринского, акушинского, тантынского, кадарского и мегебского) можно предположить два дополнительных процесса: во-первых, диссимиляцию $rCr > lCr$ (аналогичную диссимиляции $nCn > lCn$, см. раздел 4) и, во-вторых, выравнивание этих глаголов по аналогии с другими корнями с сонантом *l*, которых гораздо больше в целом и в группе AC/ARC в частности. Например, для корня ‘оставлять’ можно предположить такое развитие (муиринский): $*CL-art-R > *CL-alt-R > *CL-alt-N$ (инфинитив НСВ *CL-alt-ana*). Эти процессы происходили только в формах НСВ; в формах СВ сонант *l* исчез и сохранился расширитель корня *R*⁴³.

Таким образом, получается, что по крайней мере у глаголов с сонантами *l* и $l \sim r$ (распределенными по языкам) архаичным является корень НСВ (с сонантом), а в корне СВ сонант утрачен. Основные аргументы в пользу такого решения — разнообразие сонантов и расширителей корня в этой группе; присутствие ненулевых расширителей корня в формах СВ, где сонанта нет; особенности корней с разными расширителями в разных видах⁴⁴.

6.5. Глаголы с расщеплением

Еще одну небольшую группу образуют корни, у которых СВ и НСВ совпадают, по крайней мере с точностью до наличия классного показателя. Это 7 корней структуры

⁴² Корни группы ARC/URC с показателем аориста *-ur* имеют расширитель *R* в обоих видах, ср., например, муиринские формы: ‘летать’: корень *arc/erc*, аорист *arc-ur*, инфинитив СВ *arc-ara*, инфинитив НСВ *erc-ara*; ‘улавливать’: корень *CL-ams/ CL-ums*, аорист *CL-ams-ur*, инфинитив СВ *CL-ams-ara*, инфинитив НСВ *CL-ums-ara*.

⁴³ Эти процессы не происходили также в корнях с сонантом *r* и нулевым расширителем, так как в них не было условий для диссимиляции.

⁴⁴ Эти аргументы необязательно относить к той части корней группы AC/ARC, в которых присутствует сонант *r* и нулевой расширитель. Почти все эти корни имеют к тому же узкий гласный *u*, *i* (единственное исключение — корень *ag/arg* ‘уходить; становиться’), то есть подгруппа выглядит однородно и внешне похожа на группу URC/UC, однако устроена по отношению к ней зеркально: если в группе AC/ARC сонант присутствует только в корнях НСВ, то в корнях группы URC/UC — только в форме СВ.

Теоретически можно предположить, что НСВ корней AC/ARC с сонантом *r*, подобно корням URC/UC, образовался в результате инфиксации показателя *-r-*: однородность этой подгруппы вполне допускает такое решение. Правда, в этом случае придется допустить, что формально одна и та же деривация приводила то к образованию СВ от НСВ, то, наоборот, НСВ от СВ. Такое развитие не кажется нам невозможным, однако конкретных данных, свидетельствующих в его пользу, у нас сейчас нет.

URC/URC и три корня UC/UC (в Таблице 7 строки 7 и 10). В этой группе зафиксированы сонанты *r* (3 корня), *m* (2 корня), *ʃ* (также 2 корня), но с учетом малого числа корней эта информация вряд ли значима. По наличию классного согласования группа тоже неоднородна (5 глаголов с классом в обоих видах, 3 с классом только в СВ, 2 без класса). Зато гласные демонстрируют единообразие: узкий гласный (*i* или *u*) представлен во всех 10 корнях.

Можно предположить, что у таких корней происходило переосмысление и расширение исходного видового значения, а также выравнивание употреблений данного корня на фоне двувидовых корней других глаголов: исходный корень как бы расщепился на два видовых варианта.

7. Гипотезы о развитии видовых пар

В предыдущем разделе мы выдвинули несколько предположений о развитии видовых оппозиций в отдельных группах даргинских глаголов. Эти предположения суммируются в Таблице 14⁴⁵.

	Группа	Дериват СВ		Исходная основа		Дериват НСВ
1.	A(R)C/U(R)C, ARC/RUC			A(R)C	>	U(R)C (+ulC > luC)
2.	AC/ARC	AC	<	ARC		
3.	URC/UC, ERC/UC	UrC (> erC)	<	UC		
4.	U(R)C/U(R)C ⁴⁶	U(R)C	<	U(R)C	>	U(R)C

Таблица 14. Гипотезы о направлении видовой деривации в разных группах глагольных корней

Можно предположить, что на некотором протодаргинском этапе глагольные корни существовали только в одном варианте и при этом, как и сейчас, имели структуру VRC или VC. Эти корни не имели грамматического вида, но, естественно, имели определенные аспектуальные характеристики, вытекающие из их лексического значения.

На более поздних этапах развития происходило несколько процессов деривации производных видовых основ от исходного корня. Часть получившихся в результате производных основ тяготела к семантической зоне перфектива, другая часть — к зоне имперфектива. Условно мы можем назвать соответствующие деривации «перфективацией» и «имперфективацией», хотя они скорее всего носили более конкретный характер (например, это могло быть образование итератива, прогрессива, результатива или другой аспектуальной категории).

Эти деривации необязательно были синхронными. Вероятно, сужение корневой гласной предшествовало прочим деривациям. В результате образовалась тенденция, хорошо заметная в современных языках: тяготение основ НСВ к узким гласным. В частности, почти все глаголы, имеющие только НСВ, имеют узкий гласный (см. корни URC и UC в разделе 5). Заметное число корней НСВ с широким гласным представлено только в классе AC/ARC. Сформировавшаяся корреляция СВ/НСВ ~ широкий/узкий гласный в дальнейшем могла влиять на другие корни и вызывать изменения по аналогии.

⁴⁵ Вопрос о возникновении классного согласования мы в этом разделе не рассматриваем. Слот для классного показателя в обозначениях корней не показан.

⁴⁶ В этой строке мы условно изобразили «расщепление» исходного корня на два омонимичных.

В результате для большинства корней возникли пары из исходной и производной основы; при этом один из элементов пары был маркирован как выражающий некоторое производное видовое значение, судить о котором сейчас мы можем только в самом общем виде. Для каких-то корней могли существовать и группы из более чем двух вариантов видовых основ — если от них образовывались и перфективные, и имперфективные производные, или если были условия для более чем одной последовательной деривации. Существенно, что производные видовые значения могли быть проинтерпретированы как перфективные или имперфективные. Исходный корень при этом постепенно приобретал противоположную интерпретацию, а ситуация, изображенная в (14), преобразовывалась в современную ситуацию, показанную в Таблице 15. Легко видеть, что в этой таблице присутствуют все структуры, представленные в левой шапке Таблицы 7, с которой мы начали наше обсуждение в разделе 5.2.

CB	HCB
A(R)C	U(R)C (luC)
AC	ARC
UrC (ArC)	UC
U(R)C	U(R)C

Таблица 15. Соотношение видов в глагольных корнях: современное состояние

Разумеется, картина, представленная в Таблицах 14 и 15, носит очень приблизительный характер и пока не может считаться достаточно обоснованной, однако кое-какие аргументы в ее пользу можно привести.

Во-первых, можно заметить, что почти все теоретически допустимые структуры корней в нашей схеме допускают как имперфективацию, так и перфективацию (нет перфективирующей деривации для основ структуры AC). Хотя бы одно из правил деривации действует для всех структур без исключений. Если бы это было не так, мы получили бы слишком жесткие формальные ограничения на исходную структуру корня, подвергающегося деривации.

Во-вторых, из Таблицы 14 можно видеть, что правила имперфективации демонстрируют распределение, близкое к дополнительному: основы с сонантами *l* и *r* подчиняются правилу в строке 2 (выпадение сонанта), основы с одним из «редких» сонантов (*m*, *ʃ*) и частично с сонантом *r* расщепляются на два вида (строка 4), основы без сонанта принимают инфикс *r*.

В-третьих, следует обратить внимание на случаи колебания между разными моделями в пределах одной компаративной серии. Подробное описание и объяснение таких расхождений могло бы составить тему отдельного исследования, но некоторые соображения можно привести уже сейчас. Так, в разделе 6.3 мы рассмотрели отдельные корни ARC/UC в сериях типа URC/UC (примеры в 36) и объяснили это тем, что во всех языках выборки произошла инфиксация *-r-*, но лишь в одном-двух из них она сопровождалась выравниванием по аналогии.

В сериях структуры AC/ARC несколько случаев AC/UC — можно допустить, что после деривации ARC > AC (CB), которая создала пару AC/ARC, произошла дополнительная деривация AC > UC (HCB) и закрепилась пара AC/UC:

- (37) ‘надоедать’: муиринский, тантынский *CL-it’/CL-irt’*; кубачинский *CL-it’/CL-i:t’*; но ицаринский *CL-et’/CL-it’*

Похожим образом, в сериях структуры ARC/URC есть несколько случаев AC/UC — можно допустить, что тут имели место те же две деривации $ARC > AC$ (CB) и затем $AC > UC$ (HCB), что и в предыдущем случае, но не после деривации $ARC > URC$, а вместо нее:

(38) ‘развязывать’: литературный, муиринский *arz/irz*, но мегебский *CL-az/CL-iz*

Сходным образом можно объяснить структуру некоторых из тех корней, которые не образуют групп (строки 10-13 в Таблице 7). Например, структура корня ‘ударять’ расходуется по языкам: есть варианты AC/URC, AC/ARC и AC/UC.

(39) ‘ударять’: кадарский, мегебский, литературный, тантынский *CL-aʹq/CL-irq*; муиринский *CL-aʹq/CL-aʹrq*; ицаринский *CL-aʹq/CL-uʹrq*; кубачинский *CL-aʹq/CL-uʹq*; кайтагский *CL-aʹq* (CB)

Можно предположить, что в данном случае в разных языках закрепились результаты разных дериваций: в муиринском произошла только деривация $ARC > AC$ (*CL-aʹrq > CL-aʹq*; CB); в большинстве языков — две деривации $ARC > AC$ (CB) и $ARC > URC$ (HCB), причем закрепились два производных варианта, так что образовались видовые пары AC/URC; наконец, в кубачинском можно говорить о двух последовательных деривациях $ARC > AC$ (CB) и затем $AC > UC$ (HCB).

Наконец, следует упомянуть и типологические соображения. При всей своей внешней необычности даргинский глагольный вид вписывается в типологическую тенденцию, отмеченную в Dahl, Velupillai 2013 и заключающуюся в том, что для оппозиции перфектива/имперфектива довольно типично выражение при помощи чередований внутри основы и других подобных процессов.

Мы не видим прямых аналогов даргинскому виду в других известных нам языках, однако по крайней мере в части языков с развитой оппозицией перфектива/имперфектива тоже, как представляется, сначала возникали деривации, которые применялись к глаголам, не имеющим грамматического вида, и лишь в результате длительных исторических преобразований эти дериваты изменяли свой статус и образовывали видовые пары (см., например, описание возникновения славянского вида в Wiemer & Seržant 2017).

8. Заключение

В данной работе мы сделали попытку разобраться в глагольных корнях языков даргинской группы. Две особенности этих корней хорошо известны в кавказоведческой литературе: во-первых, эти корни имеют жесткие ограничения на фонологическую структуру; во-вторых, они выражают обязательную грамматическую категорию вида, и выражают ее нерегулярным образом. Средством выражения вида может быть наличие/отсутствие классного показателя, выбор той или иной гласной корня, наличие/отсутствие корневого сонанта, метатеза гласного и сонанта.

На основании данных девяти даргинских языков мы создали базу данных глагольных корней, зафиксированных в языках выборки, и проанализировали вошедшие в базу корни с точки зрения их фонологической структуры, наличия слота для показателя именного класса, а также сочетаемости с теми или иными диагностическими морфемами («расширителями корня»). Выяснилось, что классификация корней по их фонологической структуре (в обоих видах) позволяет отнести абсолютное большинство корней к одной из девяти групп (не менее пяти корней в каждой; Таблица 7). При этом внутри

каждой группы можно, как правило, выделить единственное средство маркирования видовой оппозиции — чередование гласных, инфикс, падение сонанта (единственное исключение — группа ARC/UC, где сочетается инфикация и чередование). Расширители корня показали отчетливую связь с сонантом корня, однако их соотношение не является одно-однозначным (подробно см. разделы 4 и 5). Что касается слота для классного согласования, то его наличие коррелирует с делением корней на группы (в частности, группа URC/UC характеризуется наличием классного показателя только в СВ), но очевидной связи с другими свойствами корней внутри групп мы не обнаружили.

В разделе 6 мы попытались проинтерпретировать полученные результаты и выдвинуть предположения о развитии видовой оппозиции — точнее, о направлении и способе деривации — в каждой из групп. Мы исходили из того, что не только способы образования одного вида от другого, но и направление деривации могло отличаться для разных корней. По-видимому, использовались следующие способы деривации: сужение исходного гласного (более вероятное направление: СВ > HCB), инфикация (инфикс -r-, HCB > СВ), падение исходного сонанта (HCB > СВ). Кроме того, у части глаголов исходный корень расщепился на два видовых варианта без изменения фонологического состава.

Наконец, в разделе 7 мы построили гипотезу, касающуюся возможного пути возникновения двувидовой системы корней в даргинских языках. Хотя фактических данных в пользу предлагаемой гипотезы пока недостаточно, кое-какие соображения в ее пользу мы постарались привести.

На наш взгляд, для более аргументированного решения проблемы даргинских глагольных корней необходимо предпринять еще довольно много усилий. Очевидно, следует увеличить объем данных как по полноте охвата корней, так и по количеству языков⁴⁷. В ряде случаев следует также уточнить фонетические соответствия между согласными и гласными даргинских языков, чтобы устранить возможные ошибки в идентификации родственных корней. Наконец, следует привлечь и данные внешнего сравнения. Категория вида, в том числе выражаемая в пределах корня/основы, характерна для многих нахско-дагестанских языков, и в ряде случаев средства ее выражения во многом параллельны даргинским (см., например, описание вида в лезгинских языках в Алексеев 1985: 75–89). Можно надеяться, что сведения о структуре вида в различных языках помогут верифицировать или опровергнуть предложенную нами модель развития категории вида в даргинских языках.

Сокращения

В глоссах: AOR — аорист; ATR — атрибутив (причастие); COP — связка; N — показатель неличного класса единственного числа; CVB — деепричастие; DOWN — преверб ‘вниз’; IMP — императив; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; M — показатель мужского класса; OPT — оптатив; PFV — перфектив; PRS — презенс; TH — тематический элемент; UP — преверб ‘вверх’.

В обозначениях структуры глагольного корня: A — гласная корня (любая), C — опорная согласная корня, R — «сонант» (согласная, стоящая перед опорной или в начале корня), U — узкая гласная в корне, CL- — позиция показателя классного согласования.

⁴⁷ Когда работа над статьей была уже в основном закончена, появилось сообщение о выходе словаря Темирбулатова 2022. Этот словарь будет исключительно полезен для сравнения лексики даргинских языков, однако мы не имели возможности использовать его в данной работе.

Литература

- Абдуллаев, З. Г. 2017. Даргинско-русский словарь: 12 000 слов, терминов и выражений [Дарган-урус словарь]. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН.
- Абдуллаев, С. 1954. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР.
- Алексеев, М. Е. 1985. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. Москва: Наука.
- Алексеев, М. Е. 1998. Нахско-дагестанские языки. В кн.: Алексеев, М. Е. (ред.). Языки мира. Кавказские языки: 156–166. Москва: Академия.
- Вагизиева, Н. А. 2018. Лексико-фразеологические особенности кадарского диалекта даргинского языка. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук.
- Гасанова, У. У. 2011. Хайдакско-русский словарь. Махачкала: изд-во не ук.
- Кибрик, А. Е., С. В. Кодзасов. 1988. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.
- Коряков, Ю. Б. 2021. Даргинские языки и их классификация. В кн.: Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец (ред.). Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова: 139–154. Москва: Буки Веди.
- Коряков, Ю. Б., Н. Р. Сумбатова. 2007. Даргинские языки. Большая российская энциклопедия, т. 8: 328–329. Москва: Большая российская энциклопедия.
- Магомедов, А. Дж., Н. И. Саидов-Аккутта. 2017. Кубачинско-русский словарь. Москва: Наука.
- Магомедов, А. А. 1963. Кубачинский язык (исследование и тексты). Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР.
- Мудрак, О. А. 2016. Даргинские основы. Т. 1. Москва: Языки народов мира.
- Мусаев, М.-С. М. 1980. Система глагольного словоизменения даргинского языка. Махачкала: ДГУ.
- Муталов, Р. О. 2002. Глагол даргинского языка. Махачкала: ДГУ.
- Муталов, Р. О. 2021. Классификация даргинских языков и диалектов. Социолингвистика 3(7): 8–25.
- Услар, П. К. 1892. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа.
- Старостин, С. А. 2007. О доказательстве языкового родства. В кн.: С. А. Старостин. Труды по языкознанию: 779–793. Москва: Языки славянских культур.
- Сулайбанов, Г. Р., Н. Р. Сумбатова. 2022. Об одном типологическом раритете: каузатив в цугнинском диалекте даргинского языка. Вопросы языкознания 2022(3): 109–131.
- Сумбатова, Н. Р. 2021. «Нулевые» корни глаголов в муиринском языке даргинской группы. В кн.: Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец (ред.). Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова: 324–345. Москва: Буки Веди.
- Сумбатова, Н. Р., Ю. А. Ландер. 2014. Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк. Вопросы синтаксиса. Москва: Языки русской культуры.
- Темирбулатова, С. М. 2022. Диалектологический словарь даргинского языка. Махачкала: АЛЕФ.
- Шаббанова, П. Г. 2011. Фонетические и морфологические особенности карбачимахинского говора даргинского языка. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Махачкала: Дагестан. гос. пед. ун-т.
- Юсупов, Х. А. 2017. Дарган-урус словарь Даргинско-русский словарь: около 40 000 слов и фразеологических выражений. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН.

References

- Abdullaev, S. 1954. *Grammatika darginskogo jazyka (fonetika i morfologija)*. Makhachkala: Dagestanskij filial AN SSSR.
- Abdullaev, Z. G. 2017. *Darginsko-russkij slovar': 12 000 slov, terminov i vyrazhenij*. Makhachkala: In-t JaLI DNC RAN.
- Alekseev, M. E. 1985. *Voprosy sravnitel'no-istoricheskoy grammatiki lezginskix jazykov. Morfologija. Sintaksis*. Moscow: Nauka.

- Alekseev, M. E. 1998. Naxsko-dagestanskije jazyki. In: M. E. Alekseev (ed.). *Jazyki mira. Kavkazskie jazyki*: 156–166. Moscow: Academia.
- Dahl, Östen, Viveka Velupillai. 2013. Perfective/Imperfective Aspect. In: Matthew S. Dryer, Martin Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/65>, Accessed on 2022-06-09.)
- Daniel, Michael. 2018. Aspectual Stems in Three East Caucasian Languages. In: Diana Forker, Timur Maisak (eds.). *The Semantics of Verbal Categories in Nakh-Daghestanian Languages*: 247–266. Leiden: Brill.
- Daniel, Michael. 2019. *Mehweb verb morphology*. In: Daniel et al. (eds.) 2019: 73–115. Berlin: Language Science Press.
- Daniel, Michael, Nina Dobrushina, Dmitry Ganenkov (eds.). 2019. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press.
- Friedman, V. A. 2010. The Caucasus. In: Martin J. Ball (ed.). *The Routledge Handbook of Sociolinguistics around the World*: 127–138. London: Routledge.
- Gasanova, U. U. 2011. *Khajdasko-russkij slovar'*. Makhachkala: publisher not specified.
- Jusupov, Kh. A. 2017. *Dargan-urus slovar'*. *Darginsko-russkij slovar': okolo 40 000 slov i frazeologicheskix vyrazhenij*. Makhachkala: In-t JaLI DNC RAN.
- Kibrik, A. E., S. V. Kodzasov. 1988. *Sopostavitel'noe izučenie dagestanskix jazykov. Glagol*. Moscow: Moscow State University.
- Korjakov, Yu. B. 2021. Darginskie jazyki i ix klassifikacija. In: T. A. Majsak, N. R. Sumbatova, Ya. G. Testelefs (eds.). *Durqasi khazna. Sbornik statej k 60-letiju R. O. Mutalova*: 139–154. Moscow: Buki Vedi.
- Korjakov Yu. B., N. R. Sumbatova. 2007. Darginskie jazyki. In: *Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, vol. 8*: 328–329. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija.
- Magomedov, A. Dzh., N. I. Saidov-Akkutta. 2017. *Kubachinsko-russkij slovar'*. Moscow: Nauka.
- Magometov, A. A. 1963. *Kubachinskij jazyk (issledovanie i teksty)*. Tbilisi: Izd-vo AN Gruzinskoj SSR.
- Mudrak, O. A. 2016. *Darginskie osnovy. Vol. 1*. Moscow: Jazyki narodov mira.
- Musaev, A., V. Morozova, M. Daniel. 2020. *Mehweb Jena wordlist*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. (Available online at: <http://lingconlab.ru/MehwebDict/>).
- Musaev, M.-Sh. M. 1980. *Sistema glagol'nogo slovoizmenenija darginskogo jazyka*. Makhachkala: Dagestan State University.
- Mutalov, R. O. 2020. *Itsari Jena wordlist*. Manuscript.
- Mutalov, R. O. 2002. *Glagol darginskogo jazyka*. Makhachkala: Dagestan State University.
- Mutalov, R. O. 2021. Klassifikacija darginskix jazykov i dialektov. *Sociolingvistika* 3(7): 8–25.
- Nikolaev, S. L., S. A. Starostin. 1994. *A North-Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
- Shakhbanova, P. G. 2011. *Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti karbachimaxinskogo govora darginskogo jazyka*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University.
- Starostin, S. A. 2007. O dokazatel'stve jazykovogo rodstva. In: S. A. Starostin. *Trudy po jazykoznaniju*: 779–793. Moscow: Jazyki slavjanskix kul'tur.
- Sulajbanov, G. R., N. R. Sumbatova. 2022. Ob odnom tipologicheskom raritete: kauzativ v tsugninskom dialekte darginskogo jazyka. *Voprosy jazykoznanija* 2022(3): 109–131.
- Sumbatova, N. R., Ju. A. Lander. 2014. *Darginskij govor seleija Tanty. Grammaticheskij ocherk. Voprosy sintaksisa*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury.
- Sumbatova, N. R. «Nulevye» korni glagolov v muirinskom jazyke darginskoj gruppy. In: T. A. Majsak, N. R. Sumbatova, Ya. G. Testelefs (eds.). *Durqasi khazna. Sbornik statej k 60-letiju R. O. Mutalova*: 324–345. Moscow: Buki Vedi.
- Sumbatova, Nina, Rasul Mutalov. 2003. *A Grammar of Içari Dargwa*. München: LINCOM.
- Temirbulatova, S. M. 2022. *Dialektologicheskij slovar' darginskogo jazyka*. Makhachkala: ALEF.
- Uslar, P. K. 1892. *Étnografija Kavkaza. Jazykoznanie. V. Xurkilinskij jazyk*. Tiflis: Izdanie upravlenija Kavkazskogo uchebnogo okruga.
- Vagizieva, N. A. 2018. *Leksiko-frazeologicheskie osobennosti kadarskogo dialekta darginskogo jazyka*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University.
- van den Berg, Helma. 2001. *Dargi folktales. Oral stories from the Caucasus. With an introduction to Dargi grammar*. Leiden: Universiteit Leiden.
- Wiemer, Björn, Ilja A. Seržant. 2017. Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? In: Walter Bisang, Andrej Malchukov (eds.). *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*: 239–307. Berlin: Language Science Press.

Nina Sumbatova. Verbal roots and the category of aspect in Dargwa languages

The verbs in Dargwa consistently express aspect (perfective vs. imperfective). The expression of aspect takes place within verbal roots and is highly irregular. At the same time, the phonological structure of verbal roots is subject to strict phonological restrictions.

In this paper, I am trying to understand and describe certain formal properties of verbal roots in Dargwa, to present a classification of verbal roots, and to figure out whether the root structure correlates with the inflectional class of the verb. In a further perspective, the paper is aimed at understanding the origin and development of the aspectual system in Dargwa.

Keywords: Dargwa languages; verbal roots; aspect category; diachrony of aspect.